

У Р А Л Ь С К И Й М А Й 2005
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

*Специальный выпуск,
посвящённый*

60-летию

Великой Победы

Специальный праздничный выпуск журнала коллектив редакции адресует пациентам и медперсоналу Свердловского областного клинического госпиталя ветеранов войн. Пусть дополнительный «Уральский следопыт» будет нашим низким поклоном всем ветеранам фронта и тыла – живым и мёртвым, выстоявшим и победившим 60 лет назад в битве с фашизмом.

Главный редактор
Максим Фирсов

Выпускающий редактор –
Юний Горбунов.
Художественный редактор,
верстка -
Юлия Ульянова.
Художники -
Ирина Овсянникова,
Вячеслав Микрюков.
фото на обложке -
Евгений Тамплон.
Набор -
Валентина Кадочникова.

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».
Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Наблюдательный совет
Евгений Виноградский,
м.с.м.к., «Снежный Барс»;
Евгений Савенко,
чл. Союза фотохудожников
России;
Семен Спектор,
заслуженный врач России.

При подготовке номера
использованы
архивные материалы музея
Областного клинического
психоневрологического
госпиталя ветеранов войн

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский сле-
допыт» обладает исключительным правом
на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными
не менее 12 пт, по 60 знаков в строке,
28-30 строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматрива-
ются рукописи, дополненные электронной
версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62.
Подписано к печати 25.04.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсет-
ная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии.

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

специальный выпуск, 2005, май:

1941-й

С.СПЕКТОР	Врач - это навсегда	4
Ю.ВЛАДИМИРОВ	Вставай, страна огромная	8
С.ВЕРБ	Сорок первый под Москвой	13
Л.ПАВЛОВСКАЯ	Под гудки паровозов	17

1942-й

Л.БОГОЯВЛЕНСКИЙ	Дорога на фронт	24
И.ФЕТИСОВ	Восемь мгновений войны	30
В.ГОЛДИН	Жизнь под псевдонимом	36

1943-й

И.ПЛОТНИКОВ	Запорожский плацдарм	40
В.РОЩАХОВСКИЙ	Синий платочек	46
	Салюты победы	47
И.СЕМЕНЧИК	Земляки	48
	Фрикадельки по-немецки	50
«За Зину Туснолобову!» (О подвиге, рассказанном газетной строкой)		53

1944-й

З.ШИПАНОВА	Здравствуй, милая Маруся!	58
И.СЕМЕНЧИК	«Вольга, Вольга, муттер Вольга» ..	64
	Жажда	65

1945-й

Н.КИРИЛЛОВА	Пражская операция	68
И.СЕМЕНЧИК	Афоня	74
	Необыкновенный тост	79

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю оружие и терпеливо готовлюсь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бесстрашным бойцом, строго соблюдать законы и государственные тайны, беспрекословно повиноваться моему командиру и в крайнем случае — и начальнику.

Я строго соблюдаю законы военного времени, охраняю жизнь народа и народное имущество и не позволяю никому быть предателем родной Родины, Советской Родины и Рабоче-Крестьянскому Советскому Союзу.

Я обещаю также по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства исполнять наравле моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, под знамя Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в любую минуту идти на вражеского, немецкого, японского и чуждого, не щадя своей жизни и своей крови, для уничтожения вражеской армии и победы над врагом.

Если же до меня дойдет и вопреки моему, неуклонному исполнению присяги, то я буду считать своим долгом советского воина, немедленно сообщить о предательстве.

1941

**Ранний холод.
Отступление.
Трудный сорок первый год.**

Александр Яшин

Заместитель председателя правительства Свердловской области по социальной политике Семён Исаакович Спектор долгое время был начальником, а затем куратором Свердловского клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн. Великая Отечественная тяжелым колесом прошла и по его детству. Но в какой-то мере именно война сделала его врачом.

В рассказе Семена Исааковича использованы интервью А.Гальпериной, К.Карякина, А.Стуликова.

Врач – это навсегда

«Мы долго лежали под мертвецами. Боялись, что фашисты пойдут нас добивать»

– Семен Исаакович, где вы родились?

– Родился я далеко отсюда, на Украине, в Винницкой области, в 1936 году.

– Значит, когда началась война, вам было...

– Мне было 5 лет, фашисты были у нас уже в первой половине июля.

– Чем запомнились первые дни войны?

– Колонны румынских евреев. Через нашу деревню из Румынии гнали евреев. Они были голодные, изможденные, босиком. Шли, пока ступни ног не стирались до костей. Немцы устраивали гетто, узником одного из которых потом стал и я. Мать давала мне горшочек с полхлебкой из картофельной кожуры. Как самый маленький, я должен был пролезть под колючей проволокой, накормить несчастных людей,

дождаться горшочка и вернуться обратно.

– А что потом было с вами?

– Нас загнали в подвал, поставили пулеметы и, не глядя, начали строчить из них.

– Как же вам удалось уцелеть?

– Нам повезло – мы были в первых рядах, когда фашисты запихивали людей в подвал. В итоге – оказались под мертвыми телами. Долго лежали, боялись, что будут добивать. Потом выбрались. Нас снова поймали.

– Было очень страшно?

– До сих пор перед глазами такая сцена: немец подцепляет меня штыком за петельки подтяжек моих коротких брючек и бросает в подвал. Как он меня не прокол? До сих пор понять не могу.

– Что было потом?

– Затем здоровая часть населения была отправлена на строительство кабельных линий для бункера Гитлера под Винницей. Их всех после «пустили в расход».

А детей и стариков сначала начали уничто-

жать, но потом пришла директива – создать гетто. Огородили территорию, и с 14 июля 1941 года по 16 марта 1944 года я там находился.

– Вас освободили советские войска?

– Да. Эсэсовцы, которые нас охраняли, уже получили приказ вырезать всех узников гетто. Происходило все после 4-х ночи. Нас выстроили и уже должны были приступить к расстрелу. Но тут все услышали топот конских копыт. Один из эсэсовцев выскочил, его не было несколько минут. Мы ждали.

– Долго?

– Нам казалось, что прошли годы. Должен сказать, что мы были подготовлены к смерти. Нас ничего не пугало. Мы уже столько видели, что ничего не боялись. Так вот, этот топот копыт оказался для нас судьбоносным, фашист вернулся, вонзил штык в столб и сказал по-румынски: «Все равно одна война» – и они выскочили, а мы остались. Потом стало известно, что в этот момент появились первые эшелоны наших войск. Таким чудом мы спаслись.

– А что потом стало с фашистами?

– А этих эсэсовцев мы потом обнаружили в канализационных колодцах – каждый из них сам себя застрелил. Никто не сдался живым.

– Что было дальше?

– Началась свободная жизнь. Запомнилась такая картинка. Из барака, в котором нас держали немцы, наши связисты передавали в Москву сообщение о том, что взят такой населенный пункт с не совсем красивым названием Кры-

жополь Винницкой области. Мы тогда очень смеялись и радовались.

«Коллектив состоял из бандеровцев! Сначала они пытались меня убить»

– Вы врач. Почему – именно эта профессия?

– Я очень уважал родную сестру моей матери, она была начальником хирургического госпиталя, прошла всю войну, а потом еще до декабря 1946 года она стояла с госпиталем в Польше и Германии. И к Новому году они приехали к нам. Мы разговаривали, и я все допытывался у нее: война закончилась в 1945-м, почему же вы возвратились в конце 1946-го? Она говорит: «Надо было лечить больных». Я ее спрашиваю: «И кого же вы там лечили?» Она отвечает: «В Польше – наших и поляков, а в Германии – наших и немцев».

Я тогда сказал: «Интересно, они уничтожили полстраны, а вы еще там их лечили». Она тогда мне и сказала: «Семочка, ты учти, наша профессия не имеет мандатной комиссии, она не знает национальностей, не знает врагов, она не знает друзей. Она знает одно – надо лечить больного человека». И я пронес это через всю жизнь. И во мне зародилась эта идея: если судьба преподнесет мне такой подарок, что я буду жить, что

На временно оккупированной советской территории фашисты устанавливали кровавый «новый порядок», который открыто провозглашал массовые грабежи, убийства и насилиям в отношении мирного населения. Для осуществления «нового порядка» была подготовлена целая армия людей, готовых на любые преступления. На снимке молодчики из фашистской организации «Гитлер югенд».

С.И.Спектор - сержант Советской Армии

закончу школу, то я постараюсь стать врачом. Но мои старания не сразу увенчались успехом.

– Почему?

– Часть нашей семьи жила в Москве, и я поехал туда. Но в то время большое значение имела запись о том, что я был на оккупированной территории.

– Наверное, можно было не говорить этого?

– За это грозили лагеря. Скрыть такой факт я просто боялся. И не попал в институт.

– Вам пришлось вернуться домой?

– Да, я приехал домой и устроился на пищекомбинат рабочим в нашем поселке. И на будущий год, боясь поступать в институт, я поехал в Черновцы и там подал документы в спецгруппу при Индустриальном техникуме. Туда набирали ребят со средним образованием, и нам по программе института давали курс занятий по технологии силикатов. В 1956 году я этот техникум закончил.

– Начали работать?

– Я был направлен во Львовскую область, в город Городок, в 14 км от границы с Польшей. Проработал я 14 дней мастером цеха, и на 15-е сутки меня перевели начальником цеха.

Так в двадцать лет я стал начальником. Я поднял один цех, цех формовки и сушки на кирпичном заводе – меня перевели в цех обжига. Тоже начальником, тоже в отстающий. Поднял и этот. Цех стал выполнять план.

– Как к вам относились рабочие?

– О-о! Коллектив был особый – люди далеко не социалистического строя, в основном, бендеровцы! Сначала они пытались меня

убить. Дважды приходили убивать, так как я был еврей.

Но потом они так ко мне привыкли, что считали меня членом своей семьи, а я считал их своими родными.

Сегодня, когда прошло много лет, я могу рассказать такую историю. В 1957 году я решил отдать священный долг армии и призвался на службу. На станции проходил поезд «Масийка – Львов», маленький, всего из 4-х вагонов. Когда он подъехал, кондуктора-проводники стали кричать, что в поезде не хватит места, – перрон был заполнен. Но это были не отъезжающие, это были те, кто пришел меня проводить на службу в армию.

«Мне пришлось имитировать взрыв атомной бомбы на армейских учениях»

– Куда вы попали на службу?

– В Уральский военный округ, был определен в учебный саперный взвод 311-го саперного батальона в Елани.

– Как вам служилось?

– Я всегда умел себя организовать. Все требования выполнял четко, успешно окончил программу учебы взвода и был оставлен сначала командиром отделения, затем – заместителем командира взвода.

Освоил там профессию сапера, и мне досталась честь имитировать взрыв атомной бомбы на армейских учениях. Это очень ответственное дело, потому что корреспондентам надо было заснять «гриб», войска должны были это видеть – это было большой диковиной. А подбор компонентов взрыва был такой, что всем представлялось, будто подорвана атомная бомба.

– Так это была как бы игра?

Эта игрушка была такой сильной, что после взрыва образовался котлован, куда можно было установить 9-этажный дом. А в радиусе 12 км если какие-то строения были – они остались без окон, лес был как будто подстрижен ножницами. За то, что все прошло тогда благополучно, меня поощрили, вручили мне именные часы, это был большой дефицит.

– Сейчас очень много негативных отзывов об армии – дедовщина, произвол командиров. А ваши впечатления какие?

– Я прошел от рядового до старшины и в последний год был на майорской должности. И я очень благодарен армии, потому что ар-

1941-й

мия воспитывала, армия следила за молодым человеком, чтобы он был на правильном пути. И ничего не могу сказать плохого об армии.

Если бы я что-нибудь такое себе позволил – был бы просто кляузником. Только после армии я получил возможность принимать участие в конкурсных экзаменах в медицинский институт.

«Профессия врача не знает национальностей, не знает врагов и друзей. Она знает одно – надо лечить больного человека»

– Семен Исаакович, вы сказали, что стали врачом благодаря армии. Как это получилось?

– Да. Командование отправило меня в командировку в Свердловск при условии, что я договорюсь, чтобы у меня приняли документы и допустили к экзаменам. Сложность была в том, что я не был уволен из армии.

– Почему?

– Потому что меня хотели оставить помощником начальника политического отдела дивизии по комсомолу. Договоренность была такая: если я сдам экзамены, то меня уволят из армии.

Когда я приехал в институт, подошел к ответственному секретарю приемной комиссии, посмотрел – он лысый, старый. Как быть – обмануть или правду сказать? И мне совесть не позволила его обмануть. Я рассказал ему, на каких условиях я приехал в командировку. И этот приятный, интеллигентный старичок, доцент кафедры биохимии, выслушал меня.

На него произвело впечатление, что я не пытаюсь его надуть. Он пошел в партком и рассказал всю историю. Секретарем парткома был тогда доцент Жуков. И он взял на себя ответственность и сделал все, чтобы мне разрешили сдавать экзамены. Экзамены я сдал.

– Учиться было интересно?

– Конечно. Тем более, что в институте я вел активный образ жизни, учился на лечебном факультете, был избран заместителем секретаря комсомольской организации всего института. А когда я окончил институт, ректор, профессор Василий Климов предложил мне место в аспирантуре, на кафедре гистологии. Я сказал ему,

что это не по мне, что я хочу лечить больных людей.

– И куда вы тогда распределились?

– Я воспользовался тем, что когда я проходил курс на кафедре нервных болезней, профессор кафедры Ольга Винкевич меня заметила и предложила работать на этой кафедре. И я пошел работать в госпиталь ординатором клиники нервных болезней. Это было в 1968 году.

Закончил ординатуру и прошел путь от рядового врача до начальника госпиталя.

Заявления с просьбой назначить меня начальником госпиталя я не писал, потому что не хотел становиться начальником – я любил рядовую нейрохирургическую работу, любил больных и больные любили меня.

Но обком партии порекомендовал начальнику облздраводела Николаю Бабичу назначить меня начальником госпиталя. Я отказался. Тогда

С.И.Спектор.

они посоветовались с юристами и сделали меня временно исполняющим обязанности начальника госпиталя. И с мая 1973 года я временно исполнял обязанности начальника госпиталя.

– Семен Исаакович, а вам приходилось применять свои знания врача в простой жизни?

– Недавно я летел в самолете к дочери, и в самолете одному пассажиру, иностранцу, стало плохо. Я на него смотрю – умирает. Стюардессы мечутся, что делать, не знают. Какие-то уколы пытаются ставить, в общем, только хуже делают. Конечно, я оказал ему необходимую медицинскую помощь. Почему? Я врач, а врач – это навсегда. Я умею спасать людей, умею делать так, чтобы им было лучше.

Вставай, страна огромная

Начало

Года за два до начала войны по радио много говорили о войне на Западе. В Европе гремела гроза, и ее раскаты приближались к нашим границам. Из разговоров взрослых я слышал, что войну с Германией можно оттянуть, чтобы лучше подготовиться, но не избежать.

С началом Финской войны в 1939 году в магазинах стало пусто (продавцы и ящики). Помню, что стояли бутылки с коньяком и водкой, бочки с селедкой и красной икрой. Коньяк и икру почему-то никто не хотел брать, хотя стоили не дорого. Появились настоящие очереди за хлебом и в промтоварных магазинах, когда туда что-то «забрасывали».

По радио говорили, что к войне мы готовы и разгромим любого врага, кто нападет на нас, притом бить недруга будем на его территории. Очень была популярна песня с такими словами: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Она каждый день звучала из наших репродукторов. И еще пели песню о трех танкистах, где был припев: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей земли не отдадим».

В школах и на предприятиях проводились занятия на значок ГТО I и II степени (Готов к труду и обороне) и значок «Ворошиловский стрелок». У некоторых юношей и девушек было по 2-3 значка, и они очень гордились этим. Наш сосед Юра Шамов прислал со службы перед войной письмо, где писал, что Красная армия оснащена самым современным оружием и готова разгромить любого агрессора.

Но все же война пришла неожиданно, не только для населения, но и для правительства. Я навсегда запомнил яркий теплый солнечный день воскресенья 22 июня 1941 года. Мы с ребятами играли на траве во дворе нашего дома, когда пробежавшая мимо нас возбужденная соседка сказала: «Вы тут играете и не знаете, сегодня война началась. Германия напала на нас». «Ура! – закричали мы. – Наконец-то началось!

Рита и Юрий Владимировы

Уж мы-то покажем им!» И сразу начали играть в войну.

Вскоре все ребята нашего дома собрались на своем обычном месте – на лестнице под верандой, где обсуждали всегда важные дела. Младшие кричали, что война закончится победой уже через месяц. Но старшеклассники Леша Трубчиков и Миша Измestьев охладил нас: «Под сапогом Германии вся Европа, она хорошо вооружена и война, видимо, продлится до Нового года». Главное всем было ясно: мы победим и скоро будем в Берлине. Так и порешили. Но в действительности каким долгим и тяжелым оказался путь к победе! Мы даже не представляли, какие испытания ждут нас и как круто изменятся наши судьбы. Когда мы пришли домой, то по настроению и разговору родителей поняли, что дела серьезные. Радоваться нечему.

По радио в тот день играли марши и пели бодрые песни. Вечером выступил нарком иностранных дел В.М. Молотов и сказал, что сегодня в 4 часа утра Германия, нарушив договор, вероломно, без объявления войны, напала на СССР. Бомбила аэродромы и наши города: Киев, Минск, Севастополь. Все ждали выступления И.В. Сталина, но он обратился по радио лишь через несколько дней. Помню, как проникновенно и твердо прозвучали его первые слова к народу: «Братья и сестры! Смертельная опасность нависла над страной». В заключении сказал:

«Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Его выступление как-то объединило всех. Люди стали тверже и спокойнее.

Где-то в самые первые дни войны по радио прозвучала песня:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев:

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Пел хор Советской Армии, словно четко печатал тяжелый солдатский шаг, и безразличным к песне нельзя было быть. Она волновала и глубоко западала в душу. Песня «Священная война» делала людей мужественнее, укрепляла веру в победу нашего правого дела.

Первый год войны

В первые же недели войны жизнь в нашем городе да и в каждой семье резко изменилась.

На всех окнах с внутренней стороны на стекле всем приказано было наклеить крест-накрест бумажные полосы. Это на случай разрыва снарядов или бомб, чтобы стекла не разлетелись на мелкие осколки, ранив людей. Введена была и светомаскировка, когда на окна вечером натягивали байковые одеяла или другую светопроницаемую ткань, чтобы свет из комнаты не проникал на улицу. Вечером специальные дежурные проверяли надежность защиты. Казалось смешным, зачем немцам бомбить наш городок? Но дело в другом, объясняли нам. Если вражеские самолеты полетят бомбить военные заводы на восток, то огоньки на земле могут быть для них ориентиром.

На улицах появились плакаты: «Ты чем помог фронту?» – спрашивал красноармеец, показывая на тебя пальцем. «Все для фронта, все для победы над врагом!»

Изменились и все передачи по радио. Каждый час звучали сводки Информбюро, передачи на военные темы, классическая музыка и песни о войне. Слова и музыка военных песен писались за один-два дня. Такова была эмоциональная напряженность времени, когда

многие стали жить на грани человеческих возможностей.

Помню, в конце лета 1941 года продолжали приходить тревожные вести с фронтов. Наши войска за первые два месяца войны оставили Молдавию, значительную часть Украины, всю Белоруссию, Прибалтийские республики, немцы охватили кольцом г. Ленинград. Коричневая лавина двигалась вглубь России, к Москве. Становилось просто страшно.

Только 60 лет спустя я узнал, что за первые 3-4 месяца войны немцы взяли в плен около 3 миллионов наших окруженных солдат.

Однажды я был свидетелем разговора завуча и парторга сельхозтехникума с моим отцом. Они долго стояли отдельно в парке техникума и тихо говорили. Я сидел на лавочке и из обрывков фраз понял, что сейчас здесь, в тылу, уже готовят отряды сопротивления на случай оккупации нас немцами, что в отдельных районах подготавливаются тайные склады для партизан и что отцу поручена разведка в районе для сопротивления и ему надо подобрать себе помощника из надежных местных людей. «Как?! – думал я. – Неужели сюда, в наш такой глубокий тыл могут придти немцы?» Отец был очень озабочен, но со мной на эту тему он не разговаривал, хотя я его расспрашивал.

С первых же военных месяцев наша семья, как и большинство, стала голодать. Была введена карточная система на хлеб. Рабочим давали в день по 0,5 кг, служащим и детям – 0,35, иждивенцам – 0,25 кг. Нам приходилось на четвертых менее одной буханки. Постепенно в хлеб стали добавлять отруби и жмых, поэтому он стал черным и тяжелым. За хлебом надо было выстоять несколько часов в очереди. Кроме хлеба, по карточкам больше ничего в нашем городке не давали. Все остальные продукты надо было выращивать самим или покупать на базаре, где цены ого-го какие. Если до войны мама кричала мне из окна: «Юра, иди обедать!» А я думал, что опять меня будут заставлять и уговаривать есть. То теперь я несколько раз в день прибежал и спрашивал, когда же будем обедать. После еды просил: «Давай съедем все за раз, надо же хоть раз в день наесться». Мама с этим предложением не соглашалась.

Уже в июне к нам в город стали приезжать первые эвакуированные, в основном из Ленинграда и Прибалтики. Население увеличилось сразу раза в два. Это был совсем другой народ, отличившийся от нас городской одеждой и культурой.

В каждую комнату нашего дома подселили эвакуированных. К нам в прихожую подселили ленинградку Аню с двумя черноглазыми шустрými девочками 3 и 6 лет. Они прожили у нас одну зиму и переехали в г. Киров. Им на смену приехала из Ораниенбаума Вера Гаврилова Смигановская с дочкой Таней лет 10. Мы прожили вместе в тесноте, но не в обиде года два, пока не сняли блокаду Ленинграда.

С начала войны мама пошла работать, сначала кассиром в кинотеатре, затем библиотекарем. Сельхозтехникум перевели на полувоенное положение и вскоре совсем переселили в село Истобенское, что в 20 км от города. Там и находился отец несколько лет, приезжая к нам на побывку. А здание техникума отдали под военное училище.

На мои плечи (11-летнего мальчика) легло сразу много обязанностей: смотреть за сестрой, которой шел пятый год, готовить обед, стоять в очередях, кормить козу. Поскольку керосин стал большим дефицитом, готовили еду на таганке, подкладывая сухие дрова. Доставать и сушить дрова стало тоже моей обязанностью. Конечно, основная нагрузка по дому, хозяйству лежала по-прежнему на родителях, особенно на маме, но помогать мне приходилось много.

Чтобы выжить, каждой семье приходилось, кроме огорода, заводить какое-то хозяйство. У кого были возможности, тот заводил корову. Это была основа благосостояния семьи. Но у нас условий и денег не было, чтобы купить и содержать корову. В первый год родители пытались выкормить поросенка, но он оказался худосочным, как собака – много ел, но плохо рос. Лучше получилось с кроликами. Летом их разводили в клетках штук до 20-25, а на зиму оставляли пару. Но, видимо у крольчихи был плохой характер, т. к. она лапами ободрала кролу всю шерсть. Пришлось крола заколоть, иначе бы зиму не выжил. А крольчиха, оставшись одна, в первый же мороз замерзла, хотя клетку утепляли. Вдвоем-то, прижавшись к друг другу, они бы выжили. Вот так и у людей – плохой характер у одного губит или портит всю семью.

Более удачно у нас получилось с приобретением козы. Но это отдельный разговор.

Самым тяжелым сезоном для нас был конец зимы и весны. К этому времени заканчивался наш основной продукт – картофель, хотя садили его за городом много. Поэтому с мая по июль приходилось добывать дополнительное питание: пesty, дикий лук, щавель, крапиву, а затем ягоды, грибы, а в августе появлялась первая кар-

тошка. С ее появлением жить становилось легче и веселее. Значит, еще год выжили.

А первыми появлялись крапива и пesty. Пesty выросли еще на голых полях, в месте с первой травкой. Это ростки полевого хвоща, когда он только начинает выставляться из земли. Ростки твердые, длиной 2-3 см. Их чистили и рубили в корыте, потом варили суп или кашу. Если высушить, то и муку можно сделать, из которой олады пекли. Наберешь целую корзину пестов, а затем сидишь дома и чистишь. Пока кашу варишь – много времени надо потратить. Весь май и июнь рвали и варили крапиву. Поедали ее много, иногда целый мешок нарвешь, а обдашь кипятком – сразу немного станет. Все в городе ели крапиву, поэтому она была дефицитом. К иному забору подойдешь, а хозяйка из окна уже кричит: «Эй! Не рви! Самим нужна!»

Крапива очень полезна. Я и сейчас люблю густой крапивный суп с картошкой и крупой, приправленный сметаной. Поешь его раза 3-4 после зимы – быстро восстанавливаются силы. А тогда мама наварит полный чугунок крапивы, хорошо если туда, кроме соли, чего-нибудь положит, а иногда и без ничего.

Я помню, как нам с сестрой, помимо того, что положено в тарелку, разрешалось заскребать остатки в чугунке. Тарелки мы с сестрой просто вылизывали языком. А чугунок заскребали по очереди, ложкой, особенно хорошо, если там что-нибудь подгорит, тогда на дне и стенках остается много. Помню такую ссору с сестрой. Беру я заскребать чугунок после каши-заварихи, а Рита кричит: «Ма! Чего он вчера заскребал и сегодня тоже! У, Юришна!» Я оправдываюсь: «Да, как мне заскребать, так все приходится после крапивы, а как Рите, то всегда после заварихи». Мама восстанавливает справедливость и дает половину чугунок заскребать мне, а половину сестре.

В целях экономии картошку почти до Нового года не чистили, а скребли. А когда кожура станет совсем толстой, то срезали ножом тоненько-тоненько, так что очистки просвечивали. Выброса почти не было. Научился чистить картошку очень быстро. Уже после войны я узнал, что в военные годы Гитлер для экономии этого важного продукта запретил в Германии чистить сырую картошку. Везде, даже в ресторанах, картошка сначала варилась «в мундире», а затем чистилась. Экономия картошки по стране 15%. Немцы, говорят, строго выполняли это требование. Дисциплина!

В военные да и первые послевоенные годы меня не покидало чувство постоянного сильного

голода, хотя бы моменты, когда дорвавшись до еды, я съедал много картошки и других овощей. Мы мечтали не о колбасе и сыре, а о хлебе. Он очень калорийный. Не даром говорят: «Хлеб всему голова». Если бы меня в те годы разбудили ночью и дали буханку или две хлеба, то я съел бы их до крошки. И потом, уже после войны, я многие годы сохранял повышенный аппетит, поэтому приходилось себя за столом сдерживать.

Если бы во время войны был КВН, то большой смех в зале в то время вызвало бы такое объявление, столь обычное для сегодняшних дней: «Желающим похудеть по методу научного голодания доктора Иванова, обращаться по адресу... При коллективных заявках предоставляется скидка до 30%».

У нас в доме ночуют солдаты

В военные годы зимы были очень суровые. Одно утешение, что такой же холод терпели и немцы. В один из таких морозных дней в се-

редине зимы 1941-42 гг. через наш городок проходило вечером большое подразделение пехоты. Надо солдатам переночевать. По домам прошел начальник из нашего горисполкома и попросил жителей пустить солдат на постой. «Им на следующий день идти до железнодорожной станции Котельнич, до нее где-то километров 80. Переспят на полу в комнате или в коридоре. Солдатам нужно только тепло и кипяток. Не спать же им на улице».

Когда уже стемнело, в коридоре послышался громкий топот промерзшей обуви. Вошли солдаты все в инее с красными от мороза и ветра лицами. В нашей комнате, где мы жили тогда с мамой и сестрой Ритой, а отец был в эти годы в с. Истобенском со своим с/х техникумом, разместилось на полу человек шесть. Солдаты принесли с улицы холод. Мы с сестрой залезли на кровать и с любопытством и радостью рассматривали гостей. Они поставили в угол винтовки, развязали шапки-ушанки, сложили кучей на стул шинели и сели на пол. Разматывают с ног зеленые ленты обмоток. Кто-то трет прихваченные морозом

Военные будни госпиталя

«В госпиталь я пришла 18 октября 1941 года и в этот же день привезли первых раненых. Эта фотография была сделана весной 1942-го. Помню, что негатив был на рентгеновской пленке, которую как-то ухитрились разрезать по размеру стеклянной фотопластинки.

Здание бывшей школы не было еще полностью оборудовано, помню, что матрацы и подушки были соломенные, только через несколько дней появились приличные постели. Не было даже кухонного оборудования, не хватало посуды... Но операционная и перевязочная в первом отделении уже были, что называется, на ходу, раны обрабатывали, перевязывали, и вскоре начались операции»

Из воспоминаний медсестры А.Г.Рахмановой

щеки, пальцы ног. Для меня они – взрослые парни лет 18, – похожи на десятиклассников. Все подстрижены под машинку. Мама помогает им развесить сушить у печки обмотки. Она пробирается между солдатами, стараясь не задеть, жарит картошку на сале, кипятит чай. Настоящего чая у нас уже давно нет, и мы завариваем сухую ботву моркови, листья и ягоды черемухи или шиповника.

Я слез с кровати и пошел в туалет. По коридору еле пролез – так плотно на полу сидят солдаты. Это в нашем большом двухэтажном доме, наверное, человек 80-100 разместилось. Кто-то, накинув шинель, уже вышел на крыльцо покурить. Солдаты уже освоились. Тихо переговариваясь, достают из заплечных мешков алюминиевые кружки, сухой паек. Хозяйки торопятся, разносят горячую еду, чайники с заваркой: «Ешьте сыночки! Пейте! Где-то и наши мужики, наверное, вот так же маются! Кому еще добавить?»

Мама поставила на стол сковороду с картошкой, соленые огурцы, капусту, чайник с завар-

кой. Солдаты отказываются: «Не надо. У нас все есть. Да и запрещено нам брать у населения». Мы с сестрой тоже просим ребят сесть за стол. Наконец уговорили, они положили на стол свои сухари, консервы, куски пиленого сахара. Тогда, в начале войны, американских продуктов – свиной тушенки, яичного порошка, ветчины и другого, – еще не было. Угощают и нас. Мы с сестрой взяли по одному кусочку сахара. Им самим нужнее. Поели солдаты и сразу укладываются спать на постеленные мамой одежды. Еще рано, но уснули сразу. Устали.

Проснулся я рано, но в комнате солдат уже не было. Мама рассказывает, что подняли их, когда еще шести не было. Несколько минут на сборы и построение на улице. Ушли тихо. Двоим, что подморозили пальцы, мама дала шерстяные носки. Дала всем газеты, чтоб в ботинки для тепла наворачнули.

В коридоре женщины обсуждали: «Я им в карманы сало в бумажке положила. Жалко-то ведь их как! Совсем молоденькие. Сыночки наши!»

Госпиталь вернул им жизнь

Защитник «Красного Гангута»

На встрече участников обороны Москвы и полуострова Ханко Семен Погребинский оказался почти случайно – отдыхал тогда в подмосковном курорте.

На сцене, блестя орденами, рассаживался президиум. Начались выступления. Эмоциональная речь комиссара охраны «Красного Гангута» В.Романова захватила Семена Абрамовича:

– Вот сидит бывший моряк катера № 239 Кулагин. Живой герой, один из немногих, уцелевших тогда, членов экипажа, когда смертью храбрых пали офицеры Терещенко, Шевченко, политрук Погребинский...

Как только прозвучали эти слова, Семен Абрамович невольно воскликнул:

– Ничего я не погиб! Живой я!

Командир «Красного Гангута» генерал Кабанов порывисто поднялся со стула. Вглядываясь в полумрак зала, он взволнованно произнес:

– Политрук, встаньте! Семен, иди сюда!

...В том бою шесть немецких катеров – три справа и три слева – шли наперерез, брали в клещи «239-й». Превозмогая боль, раненый Погребинский вышел на палубу. И тут – хлесткий удар по животу, по ногам... Очнувшись, политрук продолжал командовать судном. В неравной схватке маленький гангутский «охотник» потопил три вражеских катера. Остальные бежали...

Орден Красного Знамени за этот бой Семен Абрамович получил позднее.

Всякий раз, когда член Свердловской секции Советского комитета ветеранов войны С.А.Погребинский бывал в Ленинграде, он непременно приходил в Соляной переулок, к стене с выпуклыми позолоченными буквами: «Слава героическим защитникам Гангута!».

Семен Аронович Верб после войны закончил Свердловский юридический институт, работал в адвокатуре Тюмени, затем юрисконсульт, преподавал в *alma mater*; доцент, кандидат юридических наук, подготовил около 60 научных работ по правовым вопросам капитального строительства. Живет в Екатеринбурге.

Сорок первый под Москвой

Моя военная биография началась в сентябре 1941 года, после окончания средней школы в небольшом городке Славянске на юго-востоке Украины. Все юноши – выпускники школы – получили повестки из военкомата и ожидали призыва в армию. Вскоре нас собрали на городской площади и повели пешим строем на восток, до Старобельска, потом эшелонам отправили на станцию Суслонгер Марийской ССР, в резервный лагерь, для обучения военному делу.

Обучал нас стрельбе из миномета раненый лейтенант Травкин. Несколько раз водили стрелять из винтовки. Этим обучение и ограничилось. Кормежка была тощая, голод мучил постоянно. Приходилось выкапывать на заброшенных огородах оставшиеся в земле полусгнившие клубни картошки, резать их на ломти и поджаривать на железных плитах, которые топились в сырых бараках. Иногда удавалось выменять у местных жителей на оставшиеся в «сидоре» домашние вещи пайку хлеба – 200-250 грамм.

Пробыл я в лагере около месяца. Потом из

нас сформировали маршевую роту, отлично экипировали и без оружия в товарных вагонах с двухъярусными нарами отправились на фронт.

Ехали поздней осенью, уже морозило по ночам, поэтому форма одежды была зимняя: ушанка из искусственного меха; шерстяной подшлемник с отверстиями для носа, глаз и рта; шинель с телогрейкой; валенки; по две пары портянок, белья; меховые рукавицы, тонкие перчатки для стрельбы. Выдали на дорогу и сухой паек (сухари, пакеты горохового и пшеничного супа-концентрата, сахар, махорку, пару банок мясных консервов, что-то еще).

Километров за сто до линии фронта оставили поезд и дальше пошли пешком, причем только по ночам, так как немецкие самолеты в светлое время суток бомбили и обстреливали все, что двигалось внизу.

По пути я получил «боевое крещение»: на одном из привалов ночью в деревне мы сидели кто на чем, отдыхали и курили. Вдруг возле моей головы, выше на полметра, прошлась

очередь из крупнокалиберного пулемета: немецкий летчик – ночной охотник, видимо, заметил огоньки курящих. Слава Богу, никто не пострадал. Но командир дал взбучку за то, что курили не скрытно, как он приказывал.

На следующий день нас вооружили – выдали винтовки с патронами. Автоматов у нашей армии тогда не было, встречались лишь единичные трофейные «Шмайсеры»

Через несколько дней мы были уже в бою, участвовали в составе пехоты в обороне Москвы, с боями отступали до ее окраин, а потом, с прибытием сибирских полков и после серьезного пополнения наших войск вооружением, танками, самолетами, орудиями и свежими войсками, погнали немцев назад на 150-250 километров, освободили много городов и деревень, разрушенных до основания.

Это была первая наша победа в войне, она имела огромное моральное значение, создала уверенность в нашей конечной победе, уничтожила миф о непобедимости немецкой армии, которая завоевала всю Европу и половину Европейской части СССР. Вся страна ликовала, ликовал и весь западный мир. Я хорошо помню это время, нашу радость и счастье.

Эта битва в военном плане не была переломной, не подорвала мощь немецкой армии, которая в последующие два года наносила нам мощные удары и добивалась больших побед. Но московская битва имела более важное последствие: народ поверил, что немцев можно бить, что, несмотря на огромные людские и территориальные потери, мы в состоянии остановить врага и, в конечном счете, победить его. Именно эта уверенность мобилизовала энергию, волю, способствовала массовому героизму бойцов и тружеников тыла.

В московской битве от нашей бывшей маршевой роты осталось менее половины личного состава, остальные были убиты или ранены. Мне повезло – не получил даже царапины, правда, однажды слегка контузило от разрыва снаряда.

В последний период моего пребывания на фронте (январь – март 1942 г.) было относительно затишье: линия фронта стабилизировалась, стороны обменивались артиллерийскими и минометными налетами, действиями разведчиков, отдельными небольшими операциями с целью улучшения позиций, выпрямления линии фронта.

Всю эту суровую зиму 1941-42 годов мы провели в лесах, ни разу не удалось побывать

в доме, да и жилья нигде не было – одни развалины и печные трубы в окрестных деревнях. Мы ночевали в пещерах из снега, набросав сосновых веток. Многие обморозились, их отправляли в медсанбаты лечиться. У меня до этого дело не дошло, но от постоянного охлаждения ног (несмотря на портянки и валенки) сосуды на них сузились, и когда я оказался в госпитале и впервые смог снять валенки, медсестра, случайно коснувшись моей ноги, испуганно отпрянула – нога была холодная, как у мертвеца. Нормальное кровообращение в ногах восстановилось лишь месяца через полтора-два.

На линии фронта ночами немцы через короткие промежутки времени пускали осветительные ракеты. Они медленно опускались, источая мертвенный свет: немцы боялись нашей внезапной атаки.

Вспоминаются два эпизода из моей фронтовой жизни: один – комический (хотя дело могло кончиться для меня плохо), второй – противоположного свойства. Начну с комического.

Однажды зимой наш взвод располагался в полуразрушенной деревушке, находившейся на самой линии фронта. До немцев расстояние было метров 800-900. Для предотвращения внезапного нападения врага обе стороны, примерно посередине пространства между ними, располагали свои сторожевые посты (из снежных кирпичей строили полукруг выпуклостью в сторону противника, высотой в человеческий рост, с двумя-тремя амбразурами для наблюдений и стрельбы). Смена постов из четырех-пяти человек, вооруженных винтовками, производилась затемно, рано утром и поздно вечером.

Как-то я в составе такой группы дежурил на сторожевом посту. Ночь прошла спокойно, без происшествий, хотя нервное напряжение не спадало: в темноте мы не могли бы увидеть немцев, если бы они решили напасть на наш пост или забросать его гранатами.

Наступило утро, стало светать, а смена нам все не шла. Появились они уже совсем засветло, все были в белых маскировочных халатах. Наша группа сдала дежурство, вышла из укрытия и направилась к окраине ближней деревушки. Но не успели мы сделать и пятнадцати шагов, как над головами засвистели пули из автомата. Стреляли сбоку, из немецкого поста.

Мы упали на снег и несколько минут лежали. Обстрел прекратился. Но как только мы попытались встать и идти дальше, автомат снова застрочил. Снова залегли, автомат замолчал. Четверо солдат поднялись вновь. Автомат мол-

1941-1945

чал. Но как только я последовал их примеру, пули опять засвистели.

Все поняли, что четверо ребят, одетые в маскхалаты, были немцу не видны, поэтому они спокойно пошли дальше. Я же не мог идти, так как накануне мне достались лишь маскировочные штаны, поэтому на белом фоне снежного покрова моя шинель была отлично видна немцу. Таким образом, мишенью был только я.

Что было делать? Ползти обратно на пост не хотелось. Решил быстро бежать вперед по протоптанной тропинке, но успел пробежать лишь несколько метров, как опять был обстрелян. Снова упал на снег. Стрельба прекратилась. Решил, что дальше рисковать жизнью не стоит и придется добираться до деревушки ползком, так как в лежачем положении я автоматчику явно был не виден.

Пополз вперед. Удовольствие было не из лучших: ползать нас не учили; с собой винтовка, сидор (мешок с вещами), который пришлось снять со спины, на поясе – два подсумка с патронами, пара гранат.

Полз я, наверное, минут сорок. Подползая к крайнему дому деревушки, увидел группу бойцов, которые покатывались от хохота. Добравшись до этого дома и встав, я понял, что действительно представлял то еще зрелище: пуговицы с шинели были все сорваны, патроны из подсумков выпали и остались где-то на дороге, ствол винтовки забит снегом, весь я в снегу с головы до пят, от меня валил пар, как от загнанной лошади, вся одежда промокла от пота. Оглядевшись и все это увидев, я вначале разозлился на смеявшихся солдат, а потом и сам расхохотался до слез. Был, конечно, рад тому, что выбрался из ловушки живым и здоровым.

Теперь расскажу о другом случае из фронтовой жизни, в чем-то схожем с предыдущим, но совсем иного характера. Дело было где-то в феврале 1942 года.

Нашей роте было дано задание отбить у немцев небольшой хутор, расположенный на пригорке и имеющий, хотя и местное, но существенное для командования тактическое значение. Хутор был защищен двумя ДЗОТами.

Было решено атаковать противника рано утром, еще затемно, чтобы подобраться к нему поближе и забросать ДЗОТы гранатами.

Но что-то у командира не заладилось, время было упущено, и когда мы выдвинулись на исходную позицию, уже начало светать. У многих бойцов не было маскхалатов, и они были видны на снегу. Немцы нас заметили и стали из обоих

С.А.Верб.

ДЗОТов поливать пулеметным огнем. Об атаке не могло быть и речи, всех бы скосили. Поэтому была дана команда отползть назад.

При стрельбе ряд бойцов был убит, а несколько человек тяжело ранено, и их было необходимо оттащить в безопасное место, чтобы оттуда доставить в медсанбат. Комроты приказал мне и еще одному солдату вытащить из-под обстрела раненого солдата Мазура. Пуля попала ему в левый глаз, и он был без сознания, все лицо залито кровью.

Мы с напарником вытащили раненого из-под обстрела. Отдышались. Я снял свою шинель, раненого положили на нее, к рукавам привязали поясные ремни, взяли винтовки в одну руку и потихоньку потащили его в направлении медсанбата, до которого было довольно далеко, к тому же нас предупредили, что часть снежной целины, которую предстояло преодолеть с раненым, была заминирована.

Эти 200 метров минного поля на пути, когда каждое мгновение ждешь взрыва мины, запомнились на всю жизнь. Вскоре наткнулись на дорогу, на которой вдали показалась лошадь, запряженная в сани. Остановили возчика, погрузили Мазура на сани, довели его до медсанбата и сдали дежурной смене, вздохнув с огромным облегчением. Еле живые от усталости, голода и переживаний, отправились в расположение своей роты, поели и легли отдыхать в своих снежных «пещерах».

В дополнение к изложенной истории отмечу

следующее. Как удалось выяснить через несколько дней, Мазур остался жив, хотя и был без сознания. Рану обработали и отправили его в полевую госпиталь для операции и лечения.

Раненый Мазур (имя не помню) был из того же взвода в запасном лагере, что и я. Вместе мы ехали на фронт с маршевой ротой. Не могу объяснить почему, но еще в лагере мы невзлюбили друг друга, и у нас появилась взаимная неприязнь. Несколько раз дрались. И вот именно его мне, сто раз рискуя жизнью, пришлось спасать от неминуемой смерти. В критической ситуации чувство долга было выше личной обиды.

В декабре 1941 года шли ожесточенные бои под Москвой. Калуга, Можайск, Малоярославец, Юхнов и сотни других населенных пунктов были захвачены немцами, а позднее, в ходе нашего мощного контрнаступления, вновь перешли в руки советских войск. От всех этих городов и поселков, по которым дважды прошел каток войны, почти ничего не осталось. Хорошо помню, как на развалинах одной из школ в Калуге мы, прячась от вьюги за уцелевшими кусками стен, готовили на кострах ужин: варили в котелках пшеничную кашу, растопив предварительно снег...

Когда мы отбросили немцев от Москвы и освободили значительную часть оккупированных территорий, наши и фашистские войска, обессиленные, понесшие большие потери в людях и технике, остановились друг перед другом на ломаной линии фронта.

Период январь – март 1942 года был в основном временем взаимной передышки, отдыха уцелевших солдат, пополнения частей техникой и людьми. В общем «зализывали раны», готовились к новым боям. Шли поиски разведчиков, охота за «языками», противники обменивались минометными и орудийными налетами. Отдельные местные военные операции с нашей стороны имели целью выпрямление линии фронта, ликвидацию слабых мест в наших позициях и решение некоторых других задач командования.

В это зимнее время с ранним наступлением темноты и до позднего рассвета вся тысячекилометровая линия фронта озарялась мерцающим светом немецких осветительных ракет, медленно опускавшихся на землю (у нас таких ракет тогда не было).

В одной из местных небольших операций по захвату высоты в районе города Мосальска 7 апреля 1942 года я был тяжело ранен: взрывом гранаты глаза были почти выбиты из орбит, и

на время я ослеп; на левой руке была разворочена ладонь, перебит ряд костей фаланг, на правой руке сорвано до кости мясо на большом пальце, и сам он висел только на сухожилиях и мышцах; вся верхняя часть туловища и лицо были посечены множеством мелких осколков, которые я позднее, в госпиталях и дома, постепенно выковыривал.

После ранения меня доставили в медсанбат, из него – в полевую госпиталь, далее в Москву, в пересыльный госпиталь, расположенный в здании Академии РККА имени Фрунзе, затем – в пересыльный госпиталь в г. Загорске под Москвой, где мы находились в церкви, вмещавшей сотни две коек с ранеными. Конечным пунктом для меня стал госпиталь в селе Красные Баки на притоке Волги – реке Ветлуге. Здесь я пробыл большую часть из четырехмесячного срока пребывания в госпиталях.

Перевязки рук были весьма сложны: сначала бинтовали каждый из трех раненых пальцев левой руки, потом ладонь, потом все это вместе. Получалась большая белая «кукла». Рука была на перевязи. Правая рука тоже бинтовалась довольно сложно, но в результате отбитый палец сросся хорошо, и в конце концов рука эта стала трудоспособной. Выписали меня из госпиталя седьмого августа инвалидом III группы. Раны еще не зажили, но долечиваться я уже мог дома. Места были нужны для новых раненых.

Рис. Ирины Овсянниковой

Под гудки паровозов

Лариса Павловская – псевдоним Раисы Павловны Толмачевой, доктора исторических наук, профессора Государственного университета управления (г. Москва). В 90-е годы она возглавляла сектор в Институте экономики УрО АН СССР. Была инициатором реставрации верхотурского Кремля, участвовала в создании совета краеведения при свердловском облисполкоме и в проведении археологических экспедиций на Урале. Раиса Павловна автор 80 научных и учебно-методических работ, в т. ч. трех пособий по истории экономики. Свои, слегка беллетризованные, очерки она посвятила уральским железнодорожникам военных лет.

22 июня

Солнечный летний день. Очень жарко. Солнце стоит высоко в небе. Тихо, очень тихо вокруг. Девочка сидит рядом с бабушкой и соседкой на пригорке, напротив дома бабушки. От плетеной изгороди, окружающей соседний огород, образовалась небольшая тень, они и сидят в тенечке, тихо разговаривают.

Вдалеке, подъезжая к станции Косулино, которая находится вблизи Свердловска, прогудел паровоз. Похоже гудят паровозы и на той железнодорожной станции, где живет с родителями Лара.

Опять наступила тишина. Но ненадолго. Из ворот соседнего дома выскочила девочка, года на три постарше Лары и громко закричала:

– Война! Фашисты на нас напали! Я слышала по радио! – Все встрепнулись и куда-то побежали.

Навсегда запомнила девочка Лара этот солнечный день и эту страшную весть, изменившую всю их жизнь. И жизнь всех людей в родной стране.

На станции Реж

Ранняя осень 41-го... Далеко от той войны, на станции Реж, живет теперь Лара с папой, мамой и братиком Герой. Мимо их дома через дорогу день и ночь идут-гудят поезда. Одни торопятся

на запад, едут без остановок, на зеленый свет светофора, чуть притормозив на станции. Составы эти состоят из многих вагонов, не сосчитать. Их везут, часто в паре, мощные паровозы «ИС» и «ФД». Из дверей теплушек выглядывают люди в шинелях и пилотках. На открытых платформах стоят танки, пушки и самолеты. Некоторые вагоны мелькают с открытыми дверями, в них видны привязанные к перекладинам лошади...

Другие поезда двигаются чуть медленнее, на восток. В их вагонах едут люди, которых называют «эвакуированными». За ними следуют составы со станками, разными машинами, ящиками с инструментами. Взрослые объясняют:

– На Урал и в Сибирь перебрасывают заводы из прифронтовой полосы. Их быстро смонтируют, и на фронт пойдет еще больше танков, самолетов, разных боевых машин. Это и есть единение фронта и тыла, – подчеркивают взрослые.

Встречаются поезда, где на зеленых вагонах в белых кругах нарисованы красные кресты. Это – санитарные составы. В них едут в тыловые госпитали раненые солдаты и их командиры.

А руководит на их станции этим движением папа девочки, Павел Иванович. Он – начальник станции. Лара не видела его дома почти никогда. Всю войну папа приходил домой поздно ночью в 4 часа, а рано утром опять уходил на работу. Как же иначе? Сталин и нарком Каганович приказывали так работать на всех

железнодорожных станциях страны. Но папа Лары и его товарищи и так знают, что надо спасать от врага нашу огромную страну. Поэтому трудятся денно и нощно.

Ленинградки приехали

Наступила поздняя осень 41-го. На станцию Реж, что находится почти в 90 км от областного города Свердловска, пришел поезд из Ленинграда. Родители Лары в числе первых приняли эвакуированных. Они, как семья начальника станции, жили в большой, по тогдашним меркам, квартире. В расположенном рядом со станцией деревянном одноэтажном коттедже они занимали целый подъезд. Там, внутри, имелись две комнаты, большая и поменьше. Кроме того, была очень большая кухня с русской печью. На ней ребятишки любили греться в холодную уральскую зиму. В углу кухни стояла большая железная кровать.

Ленинградкам отдали большую комнату. В той, которая поменьше, теснилась вся семья Лары. Жили тихо и дружно. Ленинградки – Дарья Александровна и ее взрослая дочь Валентина – устроились на работу в город Реж, на швейную фабрику. Вместе с другими работниками они шили обмундирование для фронтовиков, за что получали рабочие карточки.

Вскоре после приезда они рассказывали, как тяжело уезжали из Ленинграда. Кольцо блокады сжималось вокруг города, поэтому его руководство торопилось вывезти как можно больше людей. Тогда ленинградки стали надевать на себя, детей и стариков все лучшее, что у них было из одежды, как можно больше платьев, кофточек и т. д. Приехав на определенное эвакуаторами место, все вещи снимали и приводили в порядок. Некоторые продавали затем вещи на рынке, т. к. не могли работать.

Никаких семейных праздников и развлечений в военные годы Лара не запомнила. Только в Новый год украшали самодельными игрушками елку, принесенную из недалекого, за железнодорожным полотном, леса.

Связь с миром осуществлялась с помощью репродуктора, висевшего на стене. Он был из черной плотной бумаги и выглядел как большая круглая тарелка.

Осенью 1941 года по радио сообщались нерадостные вести. Бои шли уже недалеко от Москвы. Все окружающие сильно переживали, взрослые еще больше трудились для нужд фронта. Среди них были и родители Лары.

П.И.Толмачев

Дети жили как бы сами по себе. Девочке было уже 6 лет, и она присматривала за 4-летним братиком.

Папа однажды пришел домой в обеденное время, принес не только газету «Гудок», но и «Известия» (может это была «Правда», Лариса не запомнила). Там была опубликована фотография юной партизанки Тани. Фашисты схватили ее и повесили. Всем, особенно детям, было больно и страшно смотреть на эту фотографию.

Позднее Лара, как и другие люди, узнала, что партизанку звали Зоя Космодемьянская. Фашисты казнили ее в деревне Петрищево, недалеко от Москвы.

Веселее стало жить в 1943 году. Врагов разбили под Москвой и Сталинградом. И на Курской дуге. А Лара пошла учиться в 1-й класс (тогда в школу принимали с 8 лет). В это время папу перевели работать на станцию Егоршино, в 30 км от Режа. Это был крупный железнодорожный узел. Павел Иванович, как старший диспетчер Егоршинского отделения железной дороги, регулировал движение поездов уже на многих станциях. Работы и ответственности прибавилось. Со станциями, относящимися к Егоршинскому отделению, существовала селекторная связь. Лара иногда заходила к папе на работу, чтобы взглянуть на него хотя бы издали. Он постоянно находился за селектором, громко разговаривал по нему с работниками других станций.

После переезда в Егоршино, Лара больше никогда не видела ленинградок. А ее мама, Мария Михайловна, еще много лет переписывалась с ними. Даже когда они уехали обратно в Ленинград, в свою квартиру на улице Марата.

Противотанковые ежи

Однажды летом 1942 года мама повезла Лару на пригородном поезде в Свердловск. Нужно было показать дочку детским врачам, проверить зрение и слух.

Большой город поразил девочку своими красивыми домами, плотной, перегорожившей реку Исеть еще со времен Петра I. Ведь это был ее родной город, она в нем родилась до войны, но ничего, конечно, не помнила. Совсем маленькой была, когда папа закончил курсы при Промышленной академии в Ленинграде. И его стали направлять для укрепления кадров с одной станции железной дороги на другую – побольше.

Очень удивилась Лара, когда она с мамой пришла на главную площадь города – имени 1905 года. Неожиданно мама и Лара увидели на площади странное сооружение. Что-то такое металлическое торчало во все стороны. Прохожие им объяснили:

– Это противотанковые ежи.

Действительно, если приглядеться, отдельные части сооружения напоминали больших ежей. Их сварили из больших кусков рельсов. Видимо, как объяснила мама, они предназначались для охраны зданий, в которых работали руководители города и области. Но от кого их нужно было охранять?

Только позже девочка поняла, что после стремительного продвижения фашистских войск к Волге, на Урале тоже предпринимались меры предосторожности.

В тот запомнившийся Ларе день ее поразил еще один факт. Она увидела на окнах детской железнодорожной больницы странные шторы. Сделаны они были из плотной черной бумаги и днем закручивались сверху, чтобы в комнатах было светло. А ночью,

как объяснили взрослые, опускались вниз и плотно прикрывали окно. Лара обратила на них внимание потому, что слышала о подобных шторах от ленинградок. В их городе так на ночь закрывали все окна, чтобы вражеские самолеты не имели ориентиров для бомбежки. Поэтому Лара спросила в детской больнице:

– Разве здесь летают вражеские самолеты?

Ей ответили, что пока не летают.

Приехав в следующий раз в областной город, Лара и ее мама увидели на площади им. 1905 года фашистский самолет. Но не испугались. Он был весь в пробоинах от снарядов и пуль, с обломленным хвостом. Вот как поработали наши зенитчики! С поля сражений его с другими подбитыми самолетами и танками повезли в тыл – переплавить в металл. Выставили на несколько дней на площади, чтобы все люди увидели, как Красная Армия умеет бить врага!

Гимн картошке

Вокруг домов, где жили семьи железнодорожников на станции Егоршино, каждое лето в годы войны росла картошка. На грядках зеленели овощи: свекла, морковь, бобы, лук, укроп. Кое-где виднелась капуста. А когда мама с Ларой приезжали в Свердловск по разным делам или навестить родственников, везде на улицах тоже видели картошку. Она росла на газонах около жилых домов, вместо высаживаемых до войны цветов. Для свердловчан и эти небольшие посадки служили подспорьем в решении продовольственного вопроса. Уральцы не

Дом в Егоршино, где жили Толмачевы

**Новосибирский институт военных инженеров транспорта (НИВИТ).
Курсы паровозных диспетчеров (1951). В нижнем ряду в центре
Павел Иванович Толмачев, старший диспетчер Егоршинского отделения
дороги**

только в войну, но и в первые послевоенные годы называли картошку «вторым хлебом». Хлеба постоянно не хватало, других продуктов по карточкам выдавали мало.

Подруга мамы – тетя Лиза Сысоева – засадила картошкой даже часть проезжей гужевой дороги. Она проходила рядом с их домом. Лопатой твердую землю нельзя было вскопать, тогда тетя Лиза использовала... топор! И снимала потом неплохой урожай.

Всю войну Лара помогала маме весной копать землю и садить картошку (точнее, части ее с «глазками», откуда потом ростки пробивались). Осенью все сообща собирали урожай. На лето детей отвозили к бабушке в Косулино, где они по мере сил помогали окучивать посаженную бабушкой картошку. Ведь оба сына бабушки – Ваня и Алеша воевали на фронте.

Так в глубоком тылу выживали многие семьи, помогая друг другу.

Наши Киев взяли!

В 1943 году, в ноябрьские праздники, Ларе запомнился один вечер, когда она училась в 1-м классе. Начальная школа находилась недалеко от дома, но по вечерам возвращаться домой было страшновато. Дело в том, что дети

учились в три смены, в том числе дети из семей эвакуированных.

Однажды мама не смогла встретить дочку из школы, и за ней пришел папа. Он отпросился на полчаса с работы. Домой они возвращались в полной темноте: фонарей на улице не было. Светились лишь окна в домах, да сверкали огоньки от проезжавших невдалеке железнодорожных составов. Они были видны из кабин паровозных бригад и отсвечивали от фонарей кондукторов. Те, как обычно, ехали в конце состава, в открытом тамбуре последнего вагона.

На улице было совсем тихо и пустынно. Но вдруг тишину нарушил звонкий крик:

– Наши Киев взяли!

Это кричала девушка, выбежавшая на крыльцо одного из домов.

Всю последующую жизнь Лара помнила этот радостно и громко звенящий крик в темноте ночи. Известие о взятии Киева стало предвестником дальнейших великих побед в освободительной войне.

Учимся воевать

Начальная школа в небольшом деревянном здании на железнодорожной станции Егоршино. События происходит в одной из комнат, в

1941-й

первом классе, где зимой 1943-1944 гг. училась Лара. На одном из уроков преподаватель в военной гимнастерке, но без знаков различия, объявил ученикам о начале занятий по военному делу. Один рукав гимнастерки у него был пустой, заткнут за пояс.

– Ясно, – подумала Лара, – был на фронте, где и потерял руку.

Военрук принес на первый урок противогазы и всякие рисунки, которые прикрепил к школьной доске. На них нарисован был противогаз в разных видах. Одетые в противогаз люди на рисунках походили на небольших слонов. Вон какой у них хобот!

Преподаватель объяснил, зачем вообще нужны противогазы: оберегать людей от применяемых врагом химических веществ и вообще от дыма. И стал учить ребятшек, как одевать противогаз. Ларе стало страшно – она боялась задохнуться. Но обошлось, все остались живы. Потом смеялись друг над другом: такие они были страшенькие в противогазах.

На следующих занятиях учились пользоваться гранатами. И здесь стало совсем не по себе. Вдруг какая-нибудь из них взорвется? Но им быстро объяснили, что многие из гранат, принесенных на урок – муляжи, то есть сделаны из дерева. Но настоящей и действительно страшной казалась противотанковая граната, хотя и была без взрывателя. Такая на вид большая и тяжелая. Винтовки изучали больше по рисункам и картинкам. А еще маршировали во дворе школы на уроках физкультуры. Учились ходить в затылок друг другу и держать равнение

Давно закончилась война. Но школьников вплоть до выпускных экзаменов готовили не только к труду, но и обороне. Все поголовно участвовали, чаще осенью и зимой, в марш-бросках до соседней деревни Трифоновки. Броски эти называли кроссом – несколько километров бежали без остановки туда и обратно.

А мальчишки-старшеклассники совершали зимой несколько лыжных пробежек на 120 километров до областного центра. Их даже встречали там корреспонденты из газет.

Это были времена «холодной войны», и расслабляться не позволялось...

Победа!

Лариса сидела на кухне и готовила уроки. Они жили по-прежнему в пристанционном поселке Егоршино. Была весна. Вскоре Лара должна была перейти в третий класс.

Под окнами пробежала, громко топая ногами по деревянному тротуару, стайка подростков с криками «Победа!». На календаре было 9 мая 1945 года. За ребяташками бежали к станции какие-то взрослые, громко и радостно восклицая. Кто-то запел. А солнце ярко светило в окна, как будто тоже радуясь Победе. На душе у Лары стало легко и спокойно.

– Все, закончились мучения и тревоги. Наступил мир. Не будет больше войны. И все-все будет очень хорошо, – так думала она.

Таким запомнился ей День Победы. В их поселке не было массовых митингов и демонстраций. Никто не пускал в небо ракеты и, тем более, не было салютов. Лара видела потом в железнодорожном клубе документальный фильм о праздновании Дня Победы в Москве. На то она и Москва!

Были, видимо, митинги и собрания трудящихся на заводах и фабриках в соседнем городке Артемовском, а также в паровозном депо и Отделении дороги. Но Лара о них не знала. Там взрослые люди поздравляли друг друга с Победой. Наверное, в их школе тоже было торжественное собрание по этому поводу. Да младших школьников на него не позвали.

Но все равно осталось ощущение счастья и освобождения от страшной опасности. И ожидание возвращения с фронта родственников и просто знакомых.

Папа купил в привокзальном киоске две книжки и принес домой. Это были, хотя и не толстые, но очень интересные книги, почти сплошь состоящие из фотографий победителей. Лара и ее братик впервые увидели на фотографиях Брандбургские ворота в поверженном Берлине, горящий рейхстаг. Победа! А вот фото Кантари и Егорова с красным флагом над рейхстагом. Все это было захватывающе интересно.

Вскоре Лара зашла в читальный зал библиотеки кабинета политпросвещения при Отделении дороги. Она любила и раньше туда забегать, посмотреть в чистой и уютной комнате разные книжки. Были там и детские книги, которые выдавали на дом почитать. Теперь она разглядывала на стенах фотогазеты с портретами героев войны. Теплый ветер колыхал белые занавески на окнах... Солнечные блики пробежали по лицам героев войны...

И они на миг оживали, эти прекрасные, мужественные и родные лица.

Весна! Май! Победа!

Жизнь продолжалась, но в ней уже не было той страшной войны.

Об исторической памяти поколений.

Вместо эпилога

Лара выросла, выучилась, много ездила по родной стране. Посетила и заграничные страны. Бывала в командировках и в туристических поездках, просто на отдыхе. Знакомилась в этих поездках с памятниками архитектуры и истории, художественными музеями, природой разных мест. Очень полюбила горы Кавказа.

Но особенно ее интересовали памятники, связанные с прошедшей войной. Мемориалы Хатынь и Брестская крепость в Белоруссии. Полуразрушенные войной и находящиеся в реставрации Екатерининский и Павловские дворцы в пригородах Ленинграда. До боли родные старинные церквушки и соборы Пскова и Новгорода, разрушавшиеся не только от времени, но и от военных действий на их территории. Навсегда застывшая, как бы в ледяной глыбе, фигура генерала Карбышева в Маутхаузене. Огромные фигуры советских солдат в граните и металле по берегам Дуная в Будапеште. Памятник нашим солдатам в Трептов-парке в Берлине. Она поклонилась застывшим на веки фигурам на братских могилах моряков и десантников, летчиков и, конечно, пехотинцев. Танкисты прославлены на все времена вместе со своими боевыми машинами Т-34 во многих городах. В центре Вены на центральном проспекте этот танк воздвигнут на постаменте. А на Среднем Урале, на привокзальной площади областного центра рядом с лучшим танком Второй мировой войны несут почетную вахту тоже застывшие в граните металлург и танкист. Но нигде Лара не встретила памятника железнодорожникам.

— Как же так, — часто думала она. — Люди трудились днем и ночью, обеспечивая нужды фронта в живой силе и технике. Бесперебойно перевозили людей и грузы на фронт и из прифронтовой полосы в тыл. Они в первых рядах ковали Победу! Ценой их трудового подвига стала сама жизнь. Папа Лары умер вскоре после войны от инфаркта в 43 года. Семья, дети остались без средств к существованию. Почти одновременно с ним скончались примерно в том же возрасте его лучшие друзья. Среди них дядя Алеша, паровозный машинист и дядя Саша, диспетчер отделения дороги. Не выдержали перегрузок военных лет.

Лара уже давно не жила в пристанционном

поселке, поэтому не знала о судьбе других сослуживцев папы. А были ли эти люди? Почему Родина забыла о них? Пока живы их дети, они помнят о них. Молодых и красивых, добрых и очень трудолюбивых, никогда не хвалившихся своими наградами. Не у всех уже стареньких сирот, проживших всю сознательную жизнь без отцов, есть свои дети или внуки. И значит скоро, очень скоро о них, скромных героях, неутомимых тружениках тыла, все забудут?! А как же быть с исторической памятью поколений?

Лара, чувствуя, что время уходит, написала пару лет назад дочери дяди Саши. Она в свое время выучилась на инженера, а теперь была на пенсии. Спросила у нее, можно ли прислать фото отца, копию наградной книжки на орден Трудового Красного знамени, полученный отцом вскоре после войны, некоторые другие документы. Предложила Людмиле организовать вместе небольшой музей или хотя бы уголок памяти заслуженных железнодорожников в местном Отделении дороги. Ведь там денно и нощно трудились их отцы. Но Людмила ответила, что Отделение дороги давно расформировано. Никто никогда ее не приглашал в какую-нибудь организацию, где бы отметили память железнодорожников. Не говорили и не писали о их вкладе в дело Победы. Ей, по крайней мере, об этом не известно, хотя и прожила всю жизнь в том пристанционном поселке.

Так дальше не может продолжаться. Хорошо бы открыть где-нибудь хотя бы символический памятник железнодорожникам, а на местах их работы — памятные доски. Ведь в войну были еще специальные железнодорожные войска. Они двигались вслед за наступающими частями. Восстанавливали железнодорожное полотно, мосты, пристанционные здания. Память о их боевом и трудовом подвиге должна слиться с памятью о трудовом подвиге железнодорожников тыла. Их жизни — тоже на Алтаре Победы...

Рис. Ирины Овсянниковой

1941-1945

1942

**Я вижу: снег над Камой чист и лёгок.
Твое окно полночное слепя,
Пылит метель. Как до тебя далёко,
Почти что пол-России до тебя!**

Степан Щипачёв

Дорога на фронт

В ноябре 1942 г. с командой выпускников артиллерийско-технического училища, получивших назначение в войска Ленинградского фронта, я проделал путь по железным дорогам от Ижевска до Ленинграда, протяженностью более 2000 километров. У меня сохранилась тетрадь с заметками о том «путешествии». Пожелтели ее страницы, проржавели ее металлические скрепки, рассыпался переплет, но текст сохранился – своего рода маленький исторический документ: 14 дней из 1415.

Теперь короткие заметки из той тетради дополнены моими комментариями и пояснениями.

1 ноября.

Днем в клубе ИТР Ижевского машзавода слушали приказ о присвоении нам воинских званий. Я получил звание «техник-лейтенант».

Три месяца назад мне исполнилось 18 лет. Вечером стало известно: отправляемся завтра, 2 ноября, в 17 часов. Лейтенант Парамонов, командир 1 курсантского взвода 8 батареи, объявил мне: меня направляют не на Воронежский фронт, как накануне я выразил желание – на землю моего детства, к знакомым полям, степям, оврагам и балкам (летом 42 г. в районе Воронежа шли ожесточенные бои), – а на Ленинградский фронт, в неведомый мне северный край. При этом назначаюсь старшим команды выпускников-пиротехников нашего взвода: Козлова, Новожилова, Муравского, Гаврикова и меня.

Вечером на инструктаже старших команд начальник училища генерал-майор артиллерии Черемисинов зачитал список моей команды № 2. В нем оказалось уже не 5, а 25 человек. К пяти пиротехникам добавили 20 арттехников из других батарей, мне незнакомых*. До Ленинграда нашу команду сопровождает старший лейтенант Журавлев.

На большой карте Западной части СССР гене-

* На полк полагалось 1-2 арттехника, на дивизию 1-2 пиротехника. Надо представить, какая большая техническая сила с нашей командой следовала на пополнение войск фронта: для 5-10 полков 2-3 дивизий, не менее.

рал показал маршрут, которым нашей команде предстоит добираться до Ленинграда, и как бы советуя, а не приказывая, сказал мне:

– Главное для вас успеть на берег Ладожского озера до того, как оно покроется льдом, и по воде переправиться в город. В пути не задерживайтесь...

Лето 1942 года выдалось сухим и жарким. Осень затянулась. В октябре еще держалось хорошее тепло. Но уже наступил ноябрь, и вот-вот ударят морозы. А долго ли, коротко ли мы будем в пути, никто сказать не мог. Это обстоятельство вызывало некоторую озабоченность, но особенно не тревожило, и о том, замерзнет ли Ладога или нет, как-то не думалось. Беспокоило положение на фронте.

К ноябрю 1942 г. Красная Армия, продолжая отступать, оставила врагу всю Прибалтику, Белоруссию, Украину, Молдавию, Крым, Донбасс, Смоленскую, Орловскую, Курскую, Ростовскую области, Краснодарский край, часть Ленинградской, Псковской, Новгородской, Калининской, Московской, Тульской, Воронежской и других областей с населением более 80 миллионов человек.

В районе Ленинграда фашисты, удерживая город в клещах блокады, методично и жестоко бомбили его с воздуха и обстреливали из дальнобойных орудий. Все попытки войск Ленинградского фронта прорвать кольцо блокады у станции Мга Октябрьской железной дороги и у Синявино к югу от Ладожского озера и соединиться с войсками Волховского фронта терпели неудачи. Заблокированный город и войска фронта связывала с «большой землей» только легендарная «дорога жизни»: зимой по льду, летом по воде южного залива Ладожского озера. Этой дорогой нам предстояло переправиться в Ленинград.

Год назад, в декабре 1941 года, Волховский фронт, стремясь разорвать кольцо блокады, освободил Тихвин и Волховстрой, но дальше к Ленинграду продвинуться не смог. На Тихвин и Волховстрой оставались нацеленными «синие стрелы» фашистских дивизий. Оба города лежали на нашем пути.

На Западном направлении контрнаступле-

ние, начатое под Москвой в декабре 1941 г., выдохлось. Враг оставался всего в 120 километрах от столицы.

На юге немцы вышли к Новороссийску, к предгорьям Кавказа, к Волге у Сталинграда, рвались к Воронежу, чтобы ударив на Борисоглебск, Саратов, Арзамас, с востока, овладеть Москвой. Арзамас тоже лежал у нас на пути.

Страна потеряла не только треть населения, и с ним людские ресурсы для фронта, но и главные районы добычи угля и железа, развитую сеть железных дорог, южную хлебную житницу. Стране недоставало продовольствия, одежды, обуви, армии – обмундирования. Фронт испытывал острую нужду в вооружении. На строгом учете были каждая винтовка, автомат, пулемет, патроны. Нависла реальная угроза поражения в войне. И Сталин решается на очень рискованный шаг: повторить маневр 1939 г. и договориться с Гитлером.

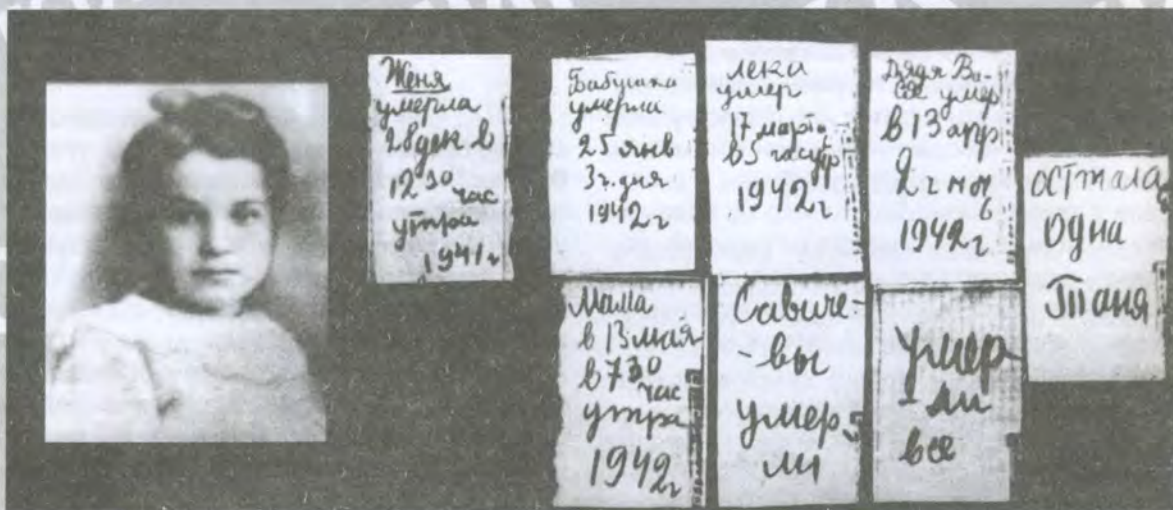
Без уведомления членов Ставки ВГК, ГКО, Политбюро и без согласования с ними он сам лично пишет 19 февраля 1942 г. текст «Предложений германскому командованию»* о прекращении военных действий с 6 часов 5 мая 1942 года и объявлении перемирия до 18 часов 1 августа 1942 года.

* Фотокопии «Предложений немецкому командованию» с подписью И. Сталина и «Репорта тов. Сталину 1-го зам. НКВД Меркулова о результатах переговоров опубликованы в книге В. Карпова «Генералиссимус», стр. 561-564, г. Оренбург, 2002 г.

С 20 по 27 февраля в Мценске Орловской области, оккупированном немецкими войсками, представитель госбезопасности СССР встречается с представителем немецкого Гестапо Вульфом и ведет с ним переговоры о перемирии на условиях, предложенных Сталиным. Германская сторона не соглашается с ним и выдвигает свои условия, неприемлемые для Сталина. Переговоры заканчиваются взаимными угрозами уничтожить друг друга, и военные действия продолжаются с еще большей яростью и жестокостью. Сталиным и Ставкой ВГК предпринимаются чрезвычайные меры, чтобы остановить отход наших войск, укрепить дисциплину и порядок в войсках.

...В один из знойных августовских дней комиссар училища Шадрин зачитал перед строем курсантов Приказ ВГК известный на фронтах, как приказ «ни шагу назад». По этому приказу на всех фронтах создавались штрафные роты и батальоны, а в тылах частей и соединений, ведущих боевые действия, выставлялись заградотряды НКВД. В Вооруженных силах отменялся институт военных комиссаров и вводилось полное единоначалие командиров всех уровней.

В гимнастерке, пропитанной потом и разукрашенной белыми разводами соли, я стоял в строю курсантов, слушал этот приказ, слова которого чем-то тяжелым ложились на душу, и не мог понять почему так произошло, почему второй год отстают наши армии, выдержит

От голода в Ленинграде гибли мужчины, женщины, дети, целые семьи. об одной из таких трагедий свидетельствует дневник 10-летней ленинградской девочки Тани Савичевой. Таню вывезли из Ленинграда в Горьковскую область, но врачи не смогли спасти, она тоже умерла

ли страна и наши люди этот страшный напор фашизма?

В такой вот обстановке, отучившись 6 месяцев по 11 часов в сутки, и отправлялись мы туда, куда предназначались – в пламя войны, на ее передний край. Маленький пучок соломы, брошенный в костер, – вспыхнет и сгорит. Но если на огонь навалить солому снопами, пламя погаснет. «Людскими снопами» и гасили мы тогда пламя войны.

2 ноября

Утром в строевом отделе я получил толстый пакет с 25 аттестационными делами выпускников, запечатанный пятью огромными сургучными печатями, который должен был передать в Управление кадров артиллерии Ленинградского фронта, командировочное предписание, воинское требование на проезд по железным дорогам и продовольственный аттестат на питание в пути.

Училище занимало здания педагогического института, педагогического училища и два деревянных корпуса у стадиона «Зенит». Днем я собрал свою команду в расположении 8 батареи на четвертом этаже института и проверил по списку, все ли в сборе. Такие же, как я 18-19-летние бывшие школьники, несколько человек – недоучившиеся студенты и еще несколько человек – они уже какое-то время служили в армии.

Полагающейся выпускникам училища командирской формы и знаков отличия нам не выдали, и все были в х/б, б/у обмундировании, в изношенных кирзовых сапогах, а кто и в ботинках с обмотками, с потрепанными шинельками, свернутыми в скатки или перекинутыми через руку, с чемоданчиками или котомками, сшитыми из портянок или полотенец, и выглядели в такой экипировке далеко не бравыми лейтенантами. Но это никого не смущало. Настроение приподнятое: учеба окончена, звания получены, теперь поскорее в путь, «к причалу» – месту службы, в полк. А там уж как судьба распорядится.

В черноте ноябрьской ночи при затемнении Ижевска погрузились мы в «телячьи» вагоны и через два часа были в Агрызи. Отсюда одни отправлялись на восток, другие на запад, к Москве. Для московского отряда в 150 человек к перрону подали три пассажирских вагона, почему-то прицепленных к хвосту длинного товарного состава. Вторая и четвертая команды разместились в первом вагоне. Вагоны оказались дачного, пригородного типа, с местами только для сидения, очень неудобными для длительного путешествия, холодные, без освещения и туалетов.

Я не знал: есть ли начальник поезда, по какому графику или расписанию мы следуем, когда отправимся из Агрызи, где находится старший лейтенант Журавлев и майор из училища, сопровождающий отряд до Москвы, где получать продукты в пути??? При таком неведении не могло не произойти то, что случилось с нами в первые же сутки нашего путешествия.

В свете луча от паровозного фонаря с соседнего пути, падающего в окно возле моей скамейки, проверил по списку команды, все ли на месте, и утомленный двухдневной суетой отъезда задремал у окна. Проснулся, ощутив движение и перестук вагонных колес. Вышел на площадку, открыл дверь. В лицо ударила струя холодного воздуха, темная пустынная равнина плыла перед глазами, станции уже не видно. Где-то за черной ночью осталось прошлое, мои 18 лет, впереди полная неизвестность. Я вернулся в вагон, где слышался беззаботный, дружный храп моей команды.

3 ноября

Поезд шел медленно, останавливался на каждом полустанке, а то и просто в поле, «у столба». Пропускал встречные составы. Паровозная бригада запасалась водой и дровами вместо угля. Паровоз долго шипел, пыхтел, пускал пары, прежде чем тронуться с места.

В училище сухой паек на путь следования нам не выдали, а запасов продуктов ни у кого не было, да и не могло быть их у курсанта военного училища в военное время. На станциях мы покупали у старушек лепешки, яйца, вареную картошку, из-под крана паровоза набирали в котелки кипяток, готовили кое-какую еду. До Казани вместо обычных шести часов тащились более суток.

Вечером меня предупредили: в Казани будем обедать. В первом часу ночи, такой же чер-

ной, как и минувшая, поезд остановился перед казанским вокзалом на втором пути. Столовая продпункта находилась в одноэтажном здании левее вокзала. Моя команда пообедала в первую смену. Поели сытно: суп, каша, мясо, хлеб, чай. Два арттехника, оказавшиеся казанцами, просят домой. Разрешил уйти с условием: не опоздать на поезд. А долго ли будем стоять в Казани – никто не знал. Пришли и сели обедать дневальные, которых я оставлял в вагоне. Тут же обедали старший лейтенант Журавлев и майор, вторая и третья смены нашего отряда.

Я подошел к окошку, чтобы взять свои командировку и аттестат, как кто-то вбежал в столовую и крикнул: «Поезд отходит через пять минут». Майор не донес ложку до рта, вскочил, крикнул Журавлеву: «Остаешься за меня!» и выбежал из столовой. Я подогнал одного из дневальных, который, не доев, не желал уходить из столовой, и кинулся к выходу. Я видел, как дежурный подал сигнал машинисту, и поезд медленно пошел. В темноте не заметил края перрона, шагнул в пустоту, упал, ушибся, но успел прыгнуть на подножку третьего вагона. Вошел в вагон – он пуст. В беспорядке разбросаны вещи, шинели. Во втором лишь несколько человек. Еще несколько человек успевают запрыгнуть в вагон на ходу. Вхожу в свой вагон – моя команда на месте. Я облегченно вздохнул. Проверил – нет троих: младшего воентехника Перчикова, который остался с Журавлевым, за него я не беспокоился, и двух казанцев. Где они?

Продукты на четвертое число в Казани получить не успели.

4 ноября

На рассвете прибыли в Юдино. Бегу к коменданту. Говорит: отставшие догоняют нас электричкой. Прошу задержать поезд. Комендант развел руками: «Не могу. И не положено задерживать поезда». С Кауфманом, старшим четвертой команды, которая осталась в столовой, по его документам попытались получить продукты на мою команду. Комендант разрешил, но буфетчица продукты не выдала: казанский обед засчитали четвертой команде продуктами за четвертое число. А за минувшее, третье, оказывается долг не отдается. Выбежали из буфета, а поезд наш уже идет. На ходу прыгнули на первую же тормозную площадку товарного вагона. Оба без шинелей, морозный воздух насквозь пронизывает гимнастерки. Только на третьей остановке, перебираясь с площадки

на площадку товарных вагонов, попали в свои вагоны, где я обнаружил двух казанцев. Они не рискнули уйти домой и заметив, что поезд движется, добежали до товарных вагонов и прыгнули на подножку тормозной площадки.

5 ноября

Только в Арзамасе, том самом, который немцы намеревались взять летом, наш поезд догнал 45 скорый пассажирский поезд, а с ним – майор Перчиков и еще несколько человек из других команд. Перчиков привез мне командировку и продаттестат, но в Арзамасе получить продукты не успели и получили их в Муроме, – первый раз за трое суток.

До Москвы оставалось всего 290 километров, и поезд с каждой минутой набирал скорость, бежал все быстрее и быстрее. За окном вагона мелькали названия станций: Черусти, Шатура, Люберцы. Виднелись укрепления восточного рубежа обороны Москвы, знакомые мне еще до училища по занятиям в отряде истребителей танков: рвы, надолбы, ежи, рогатки, окопы, траншеи... Подготовлены, но войсками не заняты. Ощутилась реальная близость войны.

6 ноября

В четыре часа – за окном черная ночь – поднял свою команду. А в шесть часов – на четвертые сутки пути – наш странный товарно-пассажирский поезд уткнулся паровозом в торец Казанского вокзала. Выбросили на перрон, а затем перенесли в зал ожидания для военнослужащих все вещи отставших. Москвичи из моей команды, не смотря на то, что у каждого входа и выхода стояла охрана и проверялись документы, сумели исчезнуть и отправиться по домам.

К вечеру прибыли отставшие и с ними старший лейтенант Журавлев, голодные – трое суток

без пищи – и посиневшие от холода. Догоняли, кто как мог – в теплушках, в товарных вагонах и даже на платформах среди груза. Ни служба военных сообщений Казанской железной дороги, ни коменданты на станциях ничего не сделали, чтобы отставших по вине коменданта станции Казань, организованно отправить в Москву. К счастью, никто не погиб и не заболел.

Расторопный Перчиков организовал для нашей команды обед на вокзале, а в 9 часов вечера мы отправились на пересыльный пункт.

...На пересыльном пункте мы впервые ощутили себя лейтенантами, командирами Красной Армии: нас разместили не в общежитии, казарме, на двухэтажных нарах, а в гостинице для командного состава, и впервые за четверо суток пути мы спали на койках, в чистых постелях.

7 ноября

Светит солнце и крепко морозит. А что на Ладоге? Но об этом не думалось. Думалось о том, как ехать дальше. В полдень перебрались на Северный вокзал. Вернулись все москвичи. По воинскому требованию получили билет на пассажирский поезд Москва – Вологда. В столовой воинского зала пообедали. Продуктов на восьмое нам не выдали, потому что оказывается на одном продпункте в один день дважды продукты или питание не даются, и нам следовало их получить на ближайших станциях. И опять черной ночью – хоть глаз коли – погрузились мы в вагон и тронулись в путь

8 ноября

Миновали Загорск, приближаемся к Ярославлю. Арттехники насаждают на меня, требуют: «Ты старший – обеспечивай нас питанием!» В Ярос-

лавле отправился к коменданту. Оказалось, он далеко за вокзалом – в темноте мерцал огонек его окошка. Узнать, когда отправится поезд, так же как в Агрызи, в Казани, в Юдино, в Арзамасе, было не у кого и невозможно – поезда отправляются по обстоятельствам и по обстановке. Рискнул. С пиротехником Козловым, исполнительным, но нерасторопным парнем, бежим на огонек, и слышу позади гудок паровоза. Оглянулся – мелькают окна нашего поезда. Кинулись назад. На пути оказался глухой, высокий забор. Перемахнул через него, как прежде перемахивал через перекладину турника, на занятиях в спортсекции, и успел прыгнуть на подножку последнего вагона. Барабаню громко в закрытую дверь – пальцы мерзнут на железных поручнях. Дверь открывается в... почтовый вагон. Перехода в пассажирские нет. И только на третьей остановке перебежал в свой. Беспokoился за неповоротливого Козлова, но он уже на месте: в заборе оказалась дыра, и он успел добежать до движущегося поезда. Журавлев сделал мне строгий выговор за безрассудство.

9–11 ноября

В 10 часов утра прибыли в Вологду. По-прежнему морозило и ярко светило уже зимнее солнце. Вымылись в бане, пообедали, получили сухой паек на дальнейший путь следования: галеты, гороховое пюре, американскую тушенку, сахар. Неожиданно на вокзале встретили двух пиротехников, выпускников 8 батареи предыдущего выпуска. Они пробирались в Архангельск. От этой встречи дохнуло чем-то родным и радостным.

Сутки ожидали, когда сформируется эшелон до Волховстроя. И опять ночью, в полной темноте, посадка в теплушки. Толпа в серых шинелях ринулась к вагонам. Моряк в черном бушлате, в бескозырке, первым вспрыгнувший в открытую дверь теплушки, стрельбой из нагана в воздух пытался отогнать карабкающихся в теплушку пехотинцев и помочь своим пробраться к нему, но был смят хлынувшей в вагон людской массой. Моя команда, энергично работая руками и плечами, сумела ворваться в одну из свободных теплушек. Нары, чугунная печь-«буржуйка» с жестяной трубой в крышу, а топлива нет.

В Череповце запаслись углем. Кипятим в котелках чай, завариваем гороховое пюре с тушонкой. У печки тепло, из дверцы свет от пламени, а у стены на досках нар холодно. В темноте миновали Тихвин. Город в развалинах.

Ночью же прибыли в Волховстрой. Поезд остановился на пути перед горой обломков стен бывшего вокзала. Глубокие воронки от разрывов авиабомб. От Волховстроя до берега Ладожского озера менее 50 километров по временно проложенному железнодорожному пути. По мере готовности туда уходят товарные вагоны с грузами для Ленинграда и для обороняющихся в блокаде войск фронта. В свободных же товарных вагонах едут туда и военнотруженики, и гражданские.

Опять неожиданная встреча: красноармеец после госпиталя получил направление в наше училище в Ижевск и ждет поезда на Вологду. Беседуем, рассказываем ему об училище, о наших специальностях.

Ночью с теми же приключениями, ставшими уже привычными, в товарном вагоне одолели последний участок нашего длинного железнодорожного маршрута.

12–14 ноября

Утром паровоз остановился среди широкого открытого поля. Песчаная равнина. Впереди темно-синяя полоса воды, будто приподнятая над сушей. Серое небо, затянутое облаками. За жидкими кустами направлены в небо стволы зенитных орудий. Как специалисты, тотчас же определили: 85 мм зенитные пушки. Возле орудий расчеты в белых полушубках. Землянки, траншеи. В небе надрывный гул самолета. Из облаков вынырнули черные силуэтики истребителей, и все опять скрылось за облаками.

В отдалении – избы поселка. К нему ведет еле видная дорога по песку. Шлагбаум, часовая, КПП. Показали свои документы. Уяснили: поселок Кабоны, пристань, начальный пункт «дороги жизни». Все так прозаично, а на душе радость: озеро не замерзло. Остается последний рывок: переправа по воде – и мы у цели.

Ночь провели в глубокой траншее у костра. Днем прошли медицинский осмотр в Кабонах, и опять ночью, в полной темноте по узким и длинным мосткам пирса вышли к катеру, по трапу спустились в трюм и под стук дизелей завалились спать на мешках с зерном, которыми трюм был загружен доверху.

Проснулся среди ночи, видимо от качки. Люк трюма открыт – поднялся на палубу. Она безлюдна. На корме темнеет установка со спаренными зенитными пулеметами. Нос катера то взлетает вверх, то проваливается в пропасть, судно кренится с борта на борт. Свистит хо-

лодный ветер. Кругом тьма пространства, не видно ни воды, ни неба. И наше одинокое судно, кидаемое волнами. Вспомнился «Воздушный корабль» Лермонтова: «не слышно на нем капитана, не видно матросов на нем...» Текст этого стихотворения записан в той самой тетради с моими заметками. Она лежит в моей кожаной, полевой офицерской сумке времен 1-й мировой войны, подаренной мне дядей, бывшим поручиком царской армии, георгиевским кавалером с наказом: «или грудь в крестах, или голова в кустах». Эта сумка всегда была при мне.

Чуть брезжил рассвет, когда катер подошел к пирсу Невской Гавани. Выбрались на берег, и первое, что меня поразило, были слова ленинградцев: «Ребята, вы с «большой земли»? Ну, как там?» Будто мы из иного, далекого мира. Так оно и было. Путь назад отрезан – мы в окружении врага: к северу по Ладожскому озеру, у Никуляс – финны, к югу, у Шлиссельбурга и устья Невы – немцы.

Утром, 13-го вышли из вагонов пригородного поезда на Финляндском вокзале, единственном действующем из пяти ленинградских вокзалов, строем прошагали в своих кирзовых сапогах и ботинках с обмотками по мосту через Неву, по Литейному мимо здания артиллерийско-технического училища, эвакуированного осенью 41 года в Ижевск, которое мы и окончили, по Невскому до распределпункта на Фонтанке. А утром 14-го на Дворцовой площади, в здании Главного штаба я сдал в отдел кадров артиллерии фронта толстый пакет, опечатанный пятью сургучными печатями, которые помялись в пути, но не разрушились.

Рис. Ирины Овсянниковой

Иван ФЕТИСОВ

Иван Степанович Фетисов родился и вырос в поселке Атиг Нижнесергинского района, отсюда ушел мальчишкой на фронт. Был участником сражений на Сталинградском, Юго-Западном, 1-м Украинском фронтах в составе 1-й Гвардейской армии. С 1945 по 1956 год, будучи командиром стрелкового взвода, служил в Прибалтике, где участвовал в борьбе с бандитизмом. Награжден Орденом Отечественной войны первой степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Восемь мгновений войны

Рядовой Величко

Воинский эшелон приближался к фронту. На железнодорожной станции предстояла короткая остановка, чтобы раздать бойцам пищу, набрать воды и сменить посты. Бойцы-караульные тихо переговариваются:

– Говорят, фашисты после Сталинграда здорово огрызаются.

– Ничего-о, не сорок первый год, – замечает ефрейтор Смирнов с медалью «За отвагу» на груди.

– Главное не дрейфить. Это вот Сашок первый раз на фронт. Что, страшновато, Величко?

Рядовой Величко молчит, слушая бывалых фронтовиков. Его послужной список – всего полгода. Родился и вырос в сибирской деревне, город впервые увидел из вагона поезда, когда ехал в воинскую часть.

В первое время после призыва в армию ему давали не очень ответственные задания, но сегодня рядовой Величко назначен на пост по охране Красного Знамени воинской части.

– Подъезжаем к станции! – крикнул Смирнов, наблюдая в окно.

– Приготовиться к смене постов! – командует разводящий.

Бойцы разбирают оружие и ожидают остановки поезда. Эшелон медленно останавливается. У кухни выстраивается очередь. Разводящий быстро меняет посты. Третий от паровоза – штабной вагон, сюда и заступает на пост Величко.

– Немецкие самолеты! – кричат наблюдатели.

– Ложись! В укрытие!

Воздушный налет был неожиданным. Черные силуэты «юнкерсов», круто разворачиваясь,

входили в пике на станцию. Земля дрогнула, взметнулось пламя. Откуда-то по самолетам ударили зенитки, с эшелона застрочили спаренные пулеметы. Белые облачка разрывов преградили путь остальным самолетам.

Вдруг одна из бомб рванула рядом со штабным вагоном, и он загорелся. Пламя быстро разрасталось, лизнуло дверь и крышу. Загорелись шкафы с документами. Величко бросился к огнетушителю, направил струю пенной жидкости в огонь. Пламя бушевало, все заволокло едким дымом. Через горящую дверь еще можно выйти. «А знамя?! – думает Величко. – Боевое Красное знамя гвардейского полка! Что будет с ним?!» Александр бросается к знамени, ломает древко. Сквозь дым и огонь пробирается к окну и выбрасывает полотнище на перрон. Силы оставляют его, выбраться из горящего вагона Величко уже не смог.

К вагону бежали бойцы во главе с дежурным офицером. Шинелями, песком сбили с двери пламя. Солдаты вбежали в вагон, в дыму и чаду с трудом отыскивали Величко, вынесли и положили на землю. Подоспевший фельдшер с санитарной сумкой через плечо, встав на колени, пытался делать искусственное дыхание, но скоро убедился, что не поможет. Бойцы обнажили головы...

«Посмотри, какая игрушка...»

По улицам освобожденного города бесконечным потоком движутся советские войска. А из окрестных лесов, оврагов и болот идут в город жители, спасшиеся от рабства, от гибели – старики и женщины. На плечах – котомки, на руках и об руку – дети.

Вот старик, сгибающийся под ношей, сняв головной убор, в низком поклоне приветствует воинов. Их повсюду радушно принимают горожане. скуден запас продовольствия, утаенного от грабителей-захватчиков, но хозяева угощают красноармейцев последним. И, радуясь свободе, наперебой спешат рассказать, как мытарилась и как ждали прихода освободителей. Старик Мирончук со слезами на глазах сообщает о том, что в пригородном озере гитлеровцы

уничтожили несчетное множество беззащитных людей. Это был способ изуверской казни. Палачи садились на плечи своих жертв, гнали в воду и топили их.

Антонина Мазай, как о неслыханном кошмаре, рассказывает о казни, очевидцем которой, находясь в укрытии, она была. Сначала

Семья Фетисовых. 1939-й год

расстреляли всех взрослых из ее дома. Потом в яму на трупы родителей фашисты начали толкать детей. Худущие ручонки обхватывали ноги убийц и просили: «Дядя, не надо!..» Гитлеровец наклонился к одному, спутавшему его ноги, ребенку, сказал, коверкая русские слова: «Посмотри, какая игрушка», – и выстрелил в лицо...

Кто может забыть все это?..

Случай на посту

Историю, приключившуюся со мной в воинской части, я рассказал замполиту своей роты. Спустя несколько дней, в очередном номере дивизионной многотиражной газеты «Советская гвардия» об этом была напечатана его заметка. Мою фамилию почему-то он сменил.

«Шел второй год войны. Ефрейтор Иван Карпов только что вернулся из госпиталя, что в уральском городе Лысьве, и через посыльный пункт был направлен во вновь формирующуюся воинскую часть, о чем он сразу же сообщил в кратком письме домой. Иван был зачислен в роту автоматчиков. Опять служба на полевых

И.Фетисов (слева) с товарищами перед отправкой на фронт

занятиях, болит перебитая и не совсем еще зажившая кость левой руки, кружит и ломит голову от фронтовой контузии.

Однажды Карпова назначили в наряд – часовым на контрольно-пропускной пункт. Военская часть располагалась на окраине города, в старинных казармах.

Заступил на пост ровно в час ночи. Крепко морозило. Темнота – хоть глаз выколи. Кругом выла на разные голоса пурга. Огромные снежные вихри играли, словно в танце. В январе здесь суровая зима. В добротном полушубке и валенках Ивана все-таки морозило. Больше мерзла раненая рука. Лицо горело. Глазам было трудно смотреть.

В два часа прошли последние запоздавшие офицеры. Были проверяющие из караула. Потом прошел еще кто-то из военных. Все та же темнота и ветер. Сквозь пургу Иван опять видит на дороге какой-то силуэт. Только это не военный – военных сразу определишь по уверенной походке.

– Стой! Кто идет?

Но никто не отзывался. А фигура двигалась.

– Стой! Стрелять буду! – приказал ефрейтор, но незнакомец не остановился. Иван подумал, что кто-нибудь заблудился или по ошибке идет к нему. Пока не стрелял, но автомат держал наготове.

– Зачем вы сюда идете? – спросил, различив приближающуюся женщину. «Вот еще ходят здесь по ночам», – подумал он, глядя в темноте

на одетую в шубу и укутанную пуховой шалью женщину с большой котомкой за плечами.

– Мне Карпова надо. Мать я его, – тихо сказала женщина.

– Кого? – не дослышав, спросил Иван.

– Карпова, говорю, Ивана. Здесь он служит, точно узнала, – уверенно промолвила женщина.

– Я Карпов Иван, – еле проговорил часовой.

– Сыночек, родненький, – рыдала мать. – Вот и встретились. Два года не виделись. А дядя Александр погиб. От Виктора тоже ни слуху ни духу.

Сказала и умолкла. Ей было тяжело. Еле сдерживал слезы Иван. Такая встреча!

– Подожди, мама. Скоро меня сменят с поста, – сказал Иван, успокоившись.

Остаток ночи мать с сыном провели на контрольно-пропускном пункте. Мать, исхудавшая и раньше своих лет поседевшая, угощала сына домашними пирожками, другой снедью».

Судьба солдата

Стояли мы в боевом охранении с пожилым солдатом Кононовым. Стал он прикуривать, ударял, ударял кресалом по труту, высекая искру, сбил весь пепел. Просит меня: «Ты, сынок, молодой. Доскочи до окопа к Аркашке Елисееву. Прикури, и обратно. А то меня, пока туда-сюда, фриц и кокнуть может».

Жаль мне его стало – пожилой, нервничает, а покурит – успокоится. Взял его папиросу, автомат и – броском в окоп друга. Тот раскурил папиросу, ползу обратно. Вдруг – сильный взрыв. Фрицы вели методический обстрел. Это самое неприятное на войне: не знаешь, когда и откуда прилетит «подарок». Подождал, пока улеглась комья земли, делаю последний рывок и – останавливаюсь...

Мина угодила прямо в окоп, где оставался мой напарник. Смутно помню, что было дальше...

Высшая мера

Однажды, проходя мимо политотдела дивизии, увидел я картину (до сих пор перед глазами стоит). Шла на передовую рота. Ее остановили, вывели из политотдельской землянки стриженного молоденького паренька, поставили перед строем, прочитали приговор: за трусость и невыполнение приказа приговаривается к высшей мере... Солдатик упал на колени, обхватил ноги у читавшего приговор, умолял. Что-то кричал... Двое конвойных подхватили его под руки, пытались поставить на ноги – не смогли. Подошел офицер и выстрелил из нагана в затылок. Все!

– Рота, направо! Шагом марш!

И рота, заряженная страхом, пошла исполнять свой воинский долг.

Всякие смерти я знал, эта – самая страшная.

Муж приходит домой...

1943 год. С тяжелыми боями Первая гвардейская армия от Сталинграда продвигалась на Запад. Юго-Западный фронт. Передовая. Здесь нужно каждую секунду быть готовым отразить внезапное нападение врага.

Недавно встретил Володю Певцова – школьного товарища. С ним мы с первого класса сидели за одной партией. Вместе учились в военном училище. На фронте – в разных подразделениях, а тут вдруг встретились.

...Дни и ночи проходили в труде и напряжении. Были непрерывные бои. Брала деревни и безымянные высоты. Теряли боевых друзей. На ходу пополнялись и снова двигались на запад. Люди исхудали, но не унывали...

Двигались в колонне. Напряжение спало, настроение бодрое, в рядах идут солдатские разговоры. Слышу веселый голос Шестакова:

– Муж приходит вечером домой. У него выбит глаз и рука в гипсе.

– Коля, что с тобой? – спрашивает жена.

– Да я сегодня в пивной с одним мужиком на глаз поспорил, что он мне руку не сломает.

Бойцы смеялись:

– Сашка, что-нибудь про любовь.

Шестаков продолжил:

– «Если ты мне откажешь, – сказал он, – я умру». Она отказала. Через шестьдесят лет он умер.

Минометчики ведут огонь

На сборах снайперов.
И.Фетисов крайний справа.
1948-й год

Опять смех. Какая сила в народе! Никакие трудности не смогут его сломить. Чуть отошел человек от боя, и вот уже – побаски и смех.

Яловые сапоги

Отделению сержанта Колдышкина приказано ночью доставить боеприпасы на передовую. По дороге встретил атигского парня Николая Ленкова. Вместе учились в Тюмени, в военном училище. Он был командиром отделения. На фронте автоматчик.

Попутно зашли в медсанбат, где лежал командир взвода, раненный в руку.

– Скоро вернусь, – сказал лейтенант.

Нашли рядового Бабенко, наводчика первого расчета. Он находился в одной из палат и встретил нас слабой улыбкой. Его нога лежала под проволочным каркасом, одеяло вздувалось над ним горбом. У Бабенко уже нет ступни – ему ее ампутировали. Рядом с кроватью стояли яловые сапоги. Сержант попросил Бабенко обменять сапоги на ботинки Шестакову. Но Бабенко не поддавался на уговоры.

– Не надо, сержант, – сказал Шестаков...

Фронт и тыл

Несколько километров отделяли нас от передовой.

...Женщину мы увидели, когда она оказалась совсем рядом. Маленькая, худенькая, в черной косынке, подвязанной по-крестьянски под подбородком, она на зеленом фоне травы и

деревьев выглядела как из другого мира. Шла она медленно, по тропинке, которая пересекала нашу поляну. Нас будто не замечала.

– Далеко ли, мамаша, путь держишь?

Она остановилась, и мы увидели в ее руках узелок.

– Сын письмо прислал: утром мимо проезжал. Думала, повидаяюсь, а поезд не остановился.

– А где он у тебя?

– Воюет...

Голос у нее был спокойный, негромкий.

– Не расстраивайся, еще увидите! Скоро войне конец. Жаль только, гостинец передать не удалось. Соскучился он, наверное, по домашней стряпне...

– Какая уж стряпня, – тихо сказала женщина и посмотрела на нас долгим печальным взглядом. – Что сами едим, то и ему принесла. Другого нету. Возьмите.

И она протянула нам узелок, который бережно держала в руках.

Мы развернули узелок и увидели глубокую тарелку, на которой лежало что-то круглое темно-серого цвета.

– Что это, мать?

– Лепешки...

– Лепешки? А из чего они?

– Из картофельной шелухи, и немного муки, чтоб не распадались.

Мы несколько минут смотрели то на лепешки, то на женщину.

И вдруг на ее исхудалом лице увидели паутину морщин, плотно сжатые губы чуть завалены внутрь, словно прикрывая беззубый рот.

Подумалось: эта женщина уже очень давно не улыбалась.

– И... это вы едите?

– Слава богу, что это есть...

– погоди, мать, не уходи, – произнес сержант и приказал ефрейтору:

– Мигом на батарею. Понял?

Ефрейтор вернулся с внушительным свертком:

– Вот, – опустил он его на землю, – старшина дал. Я все объяснил ему.

Сержант развернул газету. В нее были завернуты булка черного хлеба, сахар, кусок колбасы и банка консервов.

– Возьми, мать. Это тебе.

Женщина побледнела, в глазах вспыхнул испуг. Она даже отшатнулась от свертка, спрятала руки за спину:

– Что вы, сынки, что вы? Такое богатство... Не возьму...

– Бери, мать, – стали мы ее уговаривать.

Сержант снова все завернул, положил сверток ей в руки:

– А теперь можешь идти домой.

Но женщина не шелохнулась. Она будто замерла. И только губы ее в испуге шевелились:

– Как же так, сынки? Как же так? За что мне такое?.. Не возьму...

Сержант обнял ее за плечи и подтолкнул:

– Иди, мать. И за сына не беспокойся. Все будет хорошо.

Но она продолжала стоять, прижав к груди сверток и потрясенно повторяя:

– Как же так, сынки?.. Такое богатство...

Металл Магнитки
беспрерывным потоком
обрушивается на врага
в виде танков, снарядов,
орудий. Первую плавку
новой броневой стали
провел мастер 1-го класса
Александр Маркович
Шарбо

В.Г.Тарбеев

Жизнь ПОД ПСЕВДОНИМОМ

Родители Виктора Григорьевича Тарбеева были купцы из известной в Екатеринбурге семьи – Рязановых.

Поначалу жизнь мальчика шла спокойно и радостно, но революция в октябре 1917 года перевернула весь размеренный быт семьи Рязановых вверх дном.

Родители не захотели покинуть Родину, как многие из их сословия, остались в Екатеринбурге, смирившись с настигнувшей их крутой волной судьбы. Они-то смирились, да новая власть не желала жить мирно с «эксплуататорами». Рязановых выселили из их «родового» дома. Семья переехала в скромный домик, но их попросили и оттуда. Последовал новый переезд. На этот раз в село Малый Исток.

В 1932 году отца Виктора Григорьевича арестовал НКВД и потребовал сдать государству все семейное золото. После этого события Виктор уже не встречался с отцом. Но еще до ареста сын, по совету отца, взял себе фамилию матери, жил отдельно от семьи в деревне Хуторы Арамилского района и только по вечерам, крадучись, навещал родителей.

Формирование характера молодого человека проходило в сложной атмосфере. С одной стороны – нужно было как-то жить, а с другой – он, Виктор Рязанов, ставший Тарбеевым, еще ничего ни хорошего, ни плохого не сделавший для своей Родины, уже был виноват перед ней по своему происхождению. Пришлось искать пути выживания, приспособления, даже обмана власть предержащих. Во всех листках по учету кадров, автобиографиях, характеристиках он писал – выходец из рабочей семьи, указывал,

что мать работала прислугой, по найму.

Его тайна социального происхождения спрятана была так глубоко, что даже дети узнали о его действительном происхождении только после его смерти...

Большевистская власть в СССР с подозрением и недоверием относилась к творческой интеллигенции старой формации. Но литературный процесс в стране все-таки шел своим путем. На Урале, в Екатеринбурге, выходили журналы «Юный пролетарий Урала», «Студент-рабочий», «Товарищ Терентий». К концу 1925 года при молодежной газете «На смену!» стихийно сложилась литературная группа, руководителем которой был молодой журналист и прозаик Павел Скородумов. Ее участником стал и Виктор Тарбеев.

В 1924 году в журнале «Юный пролетарий Урала» публикуется первое его стихотворение. Потом его стихи появляются во многих газетах и журналах города. На конкурсе, объявленном газетой «На смену!» под девизом «Урал должен иметь новые песни», Тарбееву была присуждена третья премия. Молодой поэт, не оглядываясь на свое происхождение, пишет стихи в духе требований времени: осуждает прошлое, радуется жизни. Критики называли его «напористым и радостным поэтом полей и сельскохозяйственного труда, который через воспевание природы придет и уже приходит к песням о красоте жизни и новой стройки»

Плотник машет топором,
Стружки бойко пляшут.
Вырастает светлый дом
Все стройней и краше.

В статье «Вот так я стал поэтом», опубликованной в газете «На смену!», Виктор Тарбеев признавался: «Я знал: надо учиться, упорно, терпеливо, настойчиво. И я учился: днем работал, ночи просиживал над классиками. Писал». Закреплению интереса к поэзии и журналистике способствовала служба в Красной Армии, где он окончил курсы «военной журналистики». После этого профессиональная ориентация Тарбеева определилась до конца жизни. Но боязнь раскрыть свое социальное происхождение вынуждала Тарбеева часто менять место работы. В его послужном списке мелькают города, где он жил и работал литературным сотрудником: Верхняя Салда, Нижний Тагил, Ревда, Казань, Верещагино, Кудымкар.

Но в Кудымкаре его настигла-таки кара «советского правосудия». За неуплату долга в размере 1050 рублей его приговорили к двум годам лишения свободы. Однако, первым пунктом обвинения записали, что он «заклучая договор с Коми-Пермяцким окружным издательством на издание сборника стихов, не имел писательского документа», а также и то, что в отдельных стихотворных строчках допускал идеологически невыдержанные отдельные выражения».

Полтора года В. Тарбеев отсидел в Пермской тюрьме, но благодаря стараниям его жены Анны Степановны и обращения в Верховный суд РСФСР, его выпустили, «не найдя состава преступления».

В 1939 году при содействии поэта Мусы Джалиля в Казани выходит первый сборник стихов Виктора Тарбеева «Выше гор».

В первый же день Великой Отечественной войны Виктор Григорьевич был призван в действующую армию. В качестве командира противотанкового орудия он воевал на Калининском фронте под Ржевом, на Курской дуге, прошел Украину, Польшу, участвовал в штурме Берлина. Был ранен и тяжело контужен. «Вторую половину войны, — как он писал в своей биографии, — воевал нестроевым, т. е. ограниченно годным к службе, но всегда хотел оставаться в строю».

Великая Отечественная война стала для Тарбеева в творческом плане вершиной успеха. Особенно ярко отразились в творчестве поэта первые, самые трудные, с большими человеческими потерями, месяцы отступления от западной границы до Москвы. Казалось, в такой ситуации не до стихов, но Виктор находит силы и время на коротких привалах для стихов-зарисовок. За первые шесть месяцев войны (июль — декабрь 1941) он написал 1273 стихотво-

В.Г.Тарбеев

рения. Это был своеобразный поэтический дневник, хотя в Красной Армии в то время было запрещено писать дневники.

Бензина нет — остановились самоходки,
И танки, и машины грузовые,
А люди шли усталою походкой
В пыли дорожной в дали грозовые.
А люди шли на собственном горючем,
Чтоб защитить родимые просторы,
Без хлеба шли, угрюмые, как тучи.
Сердца бойцов надежнее моторов.

Вот погиб комбат, «простреленный навывлет»,
а его часы «на левой обескровленной руке» исправно шли, «не подчиняясь действию войны».
Или еще:

Василек! Солдатский путь далек;
Я иду в огонь, а ты цветешь.
Неужели, скромный василек,
Ты в степи меня переживешь?

Стихи Тарбеева искренни, их охотно и часто печатали в дивизионных газетах. Имя поэта было известно на многих фронтах войны. На его стихи писали песни сами солдаты. Он легко дарил свои стихи знакомым и незнакомым сослуживцам.

Одно из таких подаренных стихотворений освежило память поэта в 1969 году, когда после войны прошло почти четверть века. «Комсомольская правда» опубликовала статью о сержанте Лиде Спивак. Фотография девушки-регулировщицы в центре Берлина обошла многие газеты мира. Этот кадр стал хрестоматийным с названием «Хозяйка Бранденбургских ворот». В статье был приведен отрывок из стихотворения неизвестного поэта. Каково было удивление Виктора Григорьевича, когда он узнал свои стихи! Этот номер «Комсомольской правды» до сих пор хранится в семейном архиве Тарбеевых.

Выходец из купеческой семьи, несправедливо репрессированной в 30-е годы, Виктор Тарбеев не озлобился на превратности судьбы, он был верным солдатом Родины, воспевал в своих стихах подвиги рядовых защитников отечества.

Демобилизовался Виктор Тарбеев в 1946 году. В госпитале, где он залечивал свою рану и контузию, его признали инвалидом войны. Поэт продолжал писать стихи о друзьях-героях, о ветеранах. Посылал их в армейские газеты, где их иногда публиковали.

Друзья Виктора Григорьевича, знавшие его как солдата и поэта, особенно по боям под Рже-

В.Г.Тарбеев

вом, собственными стараниями издали его книгу «Фронтовые стихи» (2001).

На родине поэта публиковать их не сочли возможным.

Виктор ТАРБЕЕВ

ЗИМА НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Выпал снег в калининской сторонке –
 Вся земля – как лебедя крыло.
 Пепелища, ямы и воронки
 Серебристой вьюгой замело.
 Поле в белом и деревья в белом.
 Фронт пришел на волжский пережат.
 Верхневолжье на себя надело
 Зимний маскировочный халат.

Приходит ли в окопы Муза? –
 Мне часто задают вопрос.
 Да, и в боях под Старой Руссой,
 Среди расстрелянных берез
 Она приходит вечерами,
 И заточив карандаши,
 Мне говорит: – Пиши! Пиши
 О ратной стойкости души
 Бойцов, не согнутых ветрами!

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Победа!.. Не только салюты.
 Восторги, «ура» и вино:
 В такие святые минуты
 Поплакать бойцу суждено.
 Закончен с врагом поединок
 На суше, в морях, в небесах.
 Победа!.. Блистанье слезинок
 В суровых солдатских глазах...

Нет, не про белую акацию
 И не про ветер полевой –
 Я приносил стихи в редакцию
 С пылающей передовой.
 Я приносил стихи о мужестве
 Друзей – сержантов и старшин.
 О крепкой спайке и содружестве
 Людей, моторов и машин.

1942-11

1943

Солдат метался: бред его терзал.
Горела грудь. До самого рассвета
он к женщинам семьи своей взывал,
он звал, тоскуя: – Мама, где ты, где ты? –
Искал её, обшаривая тьму...
И юная дружинница склонилась
и крикнула – сквозь бред и смерть – ему:
– Я здесь, сынок! Я здесь, я рядом, милый!

Ольга Берггольц

Иван ПЛОТНИКОВ

*Иван Федорович Плотников, академик
Российской Академии гуманитарных наук,
Заслуженный деятель науки
Российской федерации,
лауреат ряда премий,
доктор исторических наук, профессор
Уральского государственного университе-
та им. А.М.Горького, гвардии полковник,
инвалид Великой Отечественной войны
II группы.*

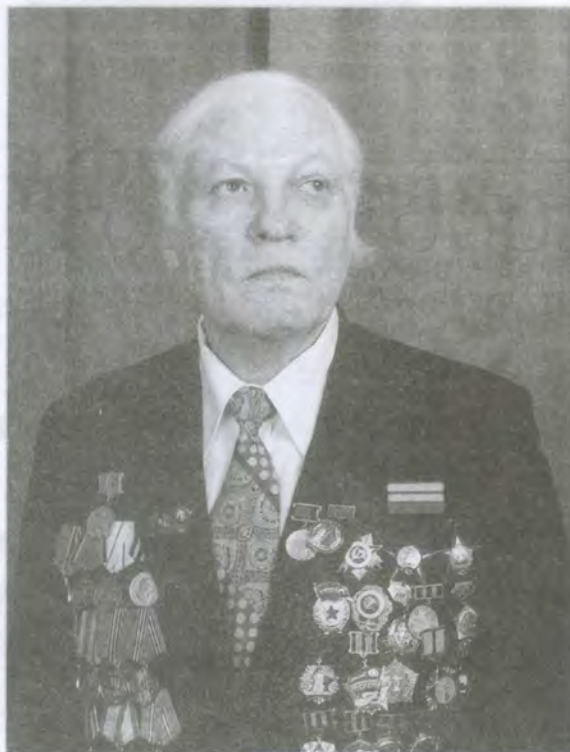
Запорожский плацдарм

Давно это было – и борьба за освобождение Запорожья от гитлеровцев, и тот период в моей личной жизни вообще: 60 лет тому назад! Но в то же время и недавно, в рамках жизни одного человека. И еще потому, что все это остро врезалось в память. И неудивительно: оно ведь чуть не стало для меня концом всего земного.

Главное событие для меня произошло в самом начале битвы за ликвидацию Запорожского плацдарма немцев на Левобережье Днепра, при освобождении города Запорожья. За месяц до Запорожского сражения, 4 сентября 1943-го, мне исполнилось 18 лет. Причем судьбой, казалось, предписано было избежать участия в боях, службы в армии вообще. Но, тем не менее, я оказался там, где должно было быть сыну своей Родины. Скажу немного о себе, о личном.

В раннем детстве я тяжело переболел «золотухой» (по современному – диатезом) глаз. Правый глаз выболел совершенно, я видел только свет, а затем и он исчез. На левый глаз зрение потерял наполовину, многие годы не мог смотреть в солнечную сторону, щурился. С годами левым стал видеть получше.

С началом войны твердо решил попасть на фронт. Среднюю школу окончил на год раньше своих сверстников, в 16 лет. Аттестат отлич-

ника позволял поступить в вуз без экзаменов. От призыва в армию освобожден районной медкомиссией. А мне хотелось стать командиром, офицером, одним словом, иметь военную специальную подготовку, чтоб принести как можно больше пользы Отечеству. Попытался тогда же, летом 1942 г. поступить в Свердловское пехотное училище – не приняли. Работал библиотекарем и учителем (на подменах) в своей школе.

В январе 1943-го производился набор в Бердичевское пехотное училище, эвакуированное в казахстанский город Актюбинск. Медкомиссию проходили спешно. Нас впускали массой, а потом голенькими – в клубный зал с несколькими врачами в разных местах. Обошел всех, кроме окулиста. К нему попросил подойти школьного приятеля Сашу Чистякова, полчаса тому назад уже прошедшего всю процедуру. Он назвался моим именем, прочел буквы во всех рядах таблицы. Врач – старый мужчина – покрутил мой меддокумент в руках и сделал в нем поправку. Я был зачислен в отобранную группу в числе первых, ибо имел законченное среднее образование.

В училище, в Актюбинске, проводились лишь беседы («на мандатной комиссии»), состояние здоровья не проверяли. Я стал курсантом пулеметного батальона.

1943-й

Все осложнилось лишь в мае 1943 г., когда во время выпускных экзаменов начались стрельбы из винтовок и пулеметов. Ложусь в окопчик, заряжаю винтовку, как должно, с правой руки, плеча, затем смещаю ее влево, прижимаю приклад к другому плечу и нажимаю спусковой крючок пальцем левой руки. Затем вновь повторяю эти движения... Меня – к врачам. К завершению экзаменов не допустили, стали готовить к демобилизации («офицер не должен быть полузрячим, да еще без правого глаза!!!»). Но все же вняли моим настойчивым просьбам оставить в армии, послать на фронт. Присвоили звание старшего сержанта и отправили с партией мобилизованных.

Так я в начале лета 1943 г. оказался в составе прославленной 8-й гвардейской армии (бывшей 62-й), в рядах «сталинградцев». С ее бойцами и командирами прошел свой начальный и многотрудный путь от левобережья Северного (Северского) Донца до Запорожья. Командующим армией был генерал-лейтенант, а с осени 1943 – генерал-полковник (в дальнейшем – Маршал) В.И.Чуйков. Меня назначили командиром расчета пулеметной роты 226 гв. стрелкового полка.

8-я армия входила в Юго-Западный фронт, командующим которого был генерал (в дальнейшем – Маршал) Р.Я.Малиновский. Состав расчета исключительно быстро менялся из-за постоянных потерь убитыми и ранеными: пулеметчики несли урон в большей мере, чем стрелки, ибо их противник часто засекал и вел по ним особенно интенсивный огонь. Да и повседневная боевая жизнь, надо сказать, была неимоверно тяжелой: на себе перетаскивали танковый пулемет («Максим»), в переходах – в разобранном виде: совмещенные кожух и короб («хобот»), станок («коляска»), щит и столь же тяжелые коробки с патронами. И ко всему этому – у каждого свое вооружение: карабин или винтовка (иногда у кого-то и автомат), патронтаж, вещевой мешок. Лишь при значительных перемещениях пулемет и коробки с лентами грузились на конные повозки (не помню, чтоб в мою пору – в машины). Расчет же, сколько помню, не имел полного состава (в 5-6 бойцов): командир, 1-й номер (наводчик), 2-й номер, подносчики (патронов – коробок). При неимоверной физической усталости порой притуплялось даже чувство опасности, самосохранения. Но все компенсировалось чувством выполняемого долга. Мне – фронтовику с лета 1943 г. морально жить и действовать было куда

И. Ф. Плотников

легче, чем тем, кто сражался в 1941 и в 1942 годах, ибо мы уже постоянно и остро ощущали чувство скорой победы.

Рота, полк, дивизия, входившая то в 33-й (временно), то в 28-й гв. стрелковый корпус, вся 8-я армия длительное время сражались на левобережье Северного Донца, на территории Ростовской области России, а затем – Донецкой области Украины, одним словом – в Донбассе. Против нашего Юго-Западного фронта действовала армейская группа «Юг» фельдмаршала Э.Манштейна. Справа от нас действовал Воронежский, а слева – Южный фронт. Летом, в ходе Курской битвы, наши фронт и армия предпринимали на отдельных участках наступательные действия, чтоб противник чувствовал опасность и не снимал, не перебрасывал части в район Курска. Хотя наши действия большого результата не приносили, плоды боевых усилий все же были немалые: группировка Манштейна несли большие потери и слабела. Мы, помнится, порой не обнаруживали немцев на противоположном берегу участка и отваживались глушить (чем бог пошлет) рыбу в Доне.

В сентябре наш полк с боями, в ходе которых в начале гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление, продвигался в район г. Изюма, а затем дрался непосредственно за Барвенково. Не всякому из однополчан понравится, но хочу сказать, что и в 43-м наше командование, низовой командный состав, далеко не всегда действовало умело, гибко, щадя личный состав. «Пушечного мяса» не жалели и царские генералы, но советские особенно. Редко делались ночные броски, обходные действия по флангам боевых порядков немцев с использованием балок, оврагов и т.д. Атаковали все больше «в лоб», крупными силами. Немцы уже с заданностью отходили к Днепру, отводили основные силы, часто при этом сдерживали наш натиск малыми, в основном огневыми, силами. С наступлением темноты они срывались с места (мы слышали звуки заведенных автомашин и мотоциклов) и занимали где-то далеко новые выгодные позиции, которые утром же или позднее мы опять штурмовали, неся большие потери.

Помнится эпизод под Барвенково. Наступила не по времени холодная и дождливая погода. Мы заняли позиции на высоте, противник в 300-500 метрах от нас тоже на высоте. Между нами – низина. Несколько дней идет интенсивная перестрелка. Вырытые нами окопчики залило дождевой водой. Из них, промокшие до нитки, посиневшие от холода, наши бойцы вечером вылезали, прыгали, самосогреваясь. Смотрим: то же самое делают и немцы – из окопов вылезли, разминаются. Огонь практически прекратился с обеих сторон. Смотрим утром: немцы исчезли, отошли, как оказалось, далеко. Мне с расчетом, сначала катившим пулемет по колдобинам, грязи (он мог повредиться), безнадежно отстав от своих стрелков, пришлось, разобрав его, тащиться до вечера, пока не догнали полк километрах в 10-12.

Иные вылезали из окопов при обстреле и по другим причинам. В описываемые дни в полк (и дивизию) поступило пополнение мобилизованных мужчин (в основном уже зрелого возраста) из Средней Азии. С ними было довольно трудно общаться: русским языком многие не владели, должного военного обучения не прошли. Некоторые из них по требованию командиров ввели огонь – стреляли в воздух, не высываясь из-за бруствера окопов. И наоборот, высказывали в случае ранения кого-либо из своих товарищей. Окружали пострадавшего на открытом пространстве, что-то говорили, кричали, молились, прикрывая лица ладонями. Ясное дело, несли

новые потери. Но постепенно и они набирались боевого опыта. Моему расчету довелось, где-то в районе Павлограда, когда мы остались лишь вдвоем или втроем, получить пополнение в виде двух стрелков-среднеазиатов (кажется, киргизов) в качестве подносчиков. Тяжко стало. Они мало, что понимали из моих объяснений. С одним из них приключился казус: пулеметную ленту, он, видимо, выбросил, а коробку заполнил кашей (повар был узбек, вот и «удружил»). После ночного перехода это выяснилось. Спрашиваю: «Где лента?» Маячит, что передал второму. Тот отрицает... Над этим происшествием в роте и в полку много потешались.

Лично о себе скажу так: постоянно вел огонь, чередуясь с первым номером. Если цель была не очень далека, видел ее отчетливо, то огонь вел удачно: рука была «твердой». Стрелял и из карабина, проделывая вышеописанные операции его перезарядки (с перекладыванием справа налево), чем всегда потешал «публику». Был ранен осколком в правую голень. Кость, к счастью, не задело. Осколок извлекли на медпункте. На ходу все прошло. Была контузия: мина разорвалась по другую сторону бруствера, сильно ударило в голову твердым комом земли. Оглушило, звенело в ушах (потом выяснилось, что оказались втянутыми слуховые перепонки)...

Я – семнадцатилетний – был крепышом по сравнению со многими солдатами-сверстниками, которые нередко выглядели совсем детьми («старички» – обстрелянные ветераны мирного призыва, которым было 22-25 лет), тем более старшее поколение – называли нас «пацанами», «ребятами», «хлопцами», «сосунками», «салагами» – по-всякому, в этом роде. Как гвардейцам, нам выдавали фронтовые 100 грамм (разведенный, часто неочищенный спирт-денатурат). В отличие от теперешней, тогдашняя молодежь не была увлечена спиртным. Многие из моих сверстников (и я в их числе) отказывались от «фронтowych». «Старички» частенько основательно «набирались». В благодарности наставляли нас боевой жизни, в том числе тому, как уберечься от пуля. Помогало.

В сентябрьские дни я, как посчитали «отцы-командиры», отличился в бою под селением Иванковцы. С пулеметом оказался на кромке холма перед селом, в котором засели немцы, переходившие в контратаки и сильно поливавшие нас огнем. Чуть ли не на всем протяжении боевого порядка батальона, чуть ли не всего полка. Наши пулеметы были противником

1943-1945

забиты, во всяком случае замолчали. Мой работал до кипения жидкости. На другой день к нашей роте, двигавшейся в колонне, подъехал верховой – капитан политотдела дивизии В.А.Нилов. Спросил: «Кто из вас вот там-то вел огонь?» Указали на меня. Велел представить к награде. Представили к ордену «Красной Звезды», наградили позднее.

Наша дивизия, армия в целом по освобождению Донбасса двигались к Днепру на линию между Запорожьем и Днепропетровском, 266-й полк пробивался через район Павлограда. Днепр был близок. Отступление гитлеровцев стало более поспешным, их сопротивление слабело. Они спешили к реке, частью «зака-

пывались», создавали мощную оборону на Левобережье, но в массе переправлялись на правый берег. О поспешном отступлении свидетельствовали и оставляемые транспортные средства, и даже продукты питания. В одном селе довелось встретить целый холмик полусожженных буханок хлеба... Характерной чертой было почти полное отсутствие жителей в селах: многие прятались и после ухода немцев. Часть местных мужчин добросовестно или по спешной мобилизации вливались в наши части. Как правило, были в черных пальто, как грачи. От прицельного огня противника страдали больше нас.

Освобождение Запорожья на целый месяц

Судьбе наперекор

С детских лет Борис Рассохин жил в Свердловской области. Окончил тавдинскую среднюю школу № 1, затем Челябинскую военную школу авиамехаников, а в 1943-м – Пермскую авиашколу пилотов. В октябре 1943-го для него началась война. Сначала был летчиком, а потом – командиром звена 59-го гвардейского Барановичского Краснознаменного штурмового авиаполка. Освобождал Белоруссию, Польшу, штурмовал столицу фашистской Германии – Берлин.

За год войны он совершил более ста боевых вылетов на штурм вражеских войск, танковых колонн и железнодорожных поездов. Выполнял самые разные боевые задания на самолете ИЛ-2. После нескольких тяжелых ранений возвращался на фронт. В одном из последних боев за Берлин старший лейтенант Рассохин был извлечен из-под обломков самолета и в очередной раз чудом остался жив.

На Урал Борис Гаврилович вернулся Героем Советского Союза. Закончил физико-технический факультет Уральского политехнического. С «красным» институтским дипломом он едет работать в Германию. У ворот одного из комбинатов концерна «Висмут» взорвалась машина, и Борис Гаврилович опять в госпитале...

Еще в сорок четвертом врачи вынесли ему приговор: к пятидесяти годам он потеряет обе

ноги. Предсказание сбылось, правда, на двадцать лет позднее: в октябре 91-го ему ампутировали обе ноги, но своим мужеством и оптимизмом он не раз поражал даже выдавший виды персонал Свердловского госпиталя. Старший лейтенант в отставке, Герой Советского Союза Борис Гаврилович Рассохин и сегодня в строю.

стало главной задачей нашего фронта. Дивизию спешно двинули на юго-запад для выступления и удара по группировке противника в направлении центральной части Запорожья. Переходы были в основном ночными – опасались налета авиации. Пулеметы взяли на транспорт. Оставалось при нас стрелковое оружие. Тем не менее, переходы были изнурительными. На остановках спать приходилось мало. Я впервые, как и многие другие, стал засыпать на ходу. Колонна, порой, походила на качающийся маятник. Кто-то уходил вправо-влево, мог упасть и спать в кювете. Потом догнать своих было крайне трудно. Мы подстраховывались: двое-трое брали друг друга под локоть, за ремень карабина. Один обязательно должен был крепиться – «бдить». Потом – другой.

Начало операции по разгрому вражеской группировки было намечено на 1-е октября. Гитлеровцы создали мощный плацдарм, укрепленный несколькими оборонительными линиями. Здесь сосредоточилась основная часть сил Манштейна. Немцы еще надеялись на успех, во всяком случае на Днепровском рубеже, в расчете удержать часть Левобережья. Здесь, на подступах к Криворожью, прикрывался район Никополя с его железом и марганцем. В них, особенно в марганце, гитлеровская Германия остро нуждалась.

Командованию через разведку, в том числе авиационную, в общем было известно о структуре обороны врага, в частности, о ее внешней линии. Главными в ней были полукругом тянущиеся противотанковые рвы, местами заполненные водой до метра глубиной. За рвом – мощные огневые артиллерийские, минометные, пулеметные точки, гнезда, танки. И масса хорошо замаскированных отменных снайперов.

Запорожское сражение было этапным и в моей личной жизни. С вечера 30 сентября батальоны нашего полка подошли близко к оборонительной линии немцев. Шли по дороге вдоль лесопосадки. Местами была не убрана кукуруза, помидоры.

Наш пулеметный взвод был придан 3-му батальону полка. Комбатом был капитан Черняев, смуглый, стройный, молодой человек. На рассвете началась наша артподготовка, сначала по первой линии обороны противника, затем и по второй. Немцы сразу же, несмотря на потери, ответили сильным огнем. Прежде мне еще не доводилось видеть такого огня с двух сторон, особенно с нашей – мощного, длительного. Все клокотало, дрожала земля. Поддерживали

огнем ринувшихся вперед стрелков нашего третьего и других батальонов. Они перебежали через ров, карабкались по его западному склону на другую сторону. Но за ним, неся большие потери, вновь залегли.

Мы с расчетом по команде сделали бросок вперед, перетащили «Максим», все прочее через ров на нашем участке. Выдвинулись на холмик посреди стеблей убранной кукурузы. Вновь открыли огонь по маячившим окопам, стрелявшим из них немцам. Наша пехота ринулась в атаку, неся потери под шквальным огнем противника, стала продвигаться перебежками, продвинулась, выбила немцев с ближних позиций, занимала их окопы, обращая стволы винтовок в сторону от их брустверов. Мы ползли вперед, протаскивая пулемет.

Готовилась новая, третья атака батальонов. Нас оставалось еще четверо. Наспех окопались. Окопчики от пуль как-то спасали. Но с обеих сторон продолжался интенсивный артиллерийско-минометный обстрел. Справа, вижу, двигаются наши танки (как они прошли через ров!?). Немцы пристрелялись к нашим окопам и новой линии пехоты довольно быстро. Особенно донимали воюющие мины, падавшие с высоты (в отличие от снарядов, звуки их приближения опережали полет). Окопчики нас не спасали. С самого начала расчета было, что называется, «жарко». Одна из мин разорвалась близко, позади нас, был тяжело ранен подносчик Миша, который вскоре же и скончался, еще до появления медсестры. Его оттащили в низинку...

Под вечер началась третья атака. Мы поддерживали ее. Помнится, чуть-чуть выдвинулись еще вперед. Однако почти в самом начале были обнаружены противником и подвергнуты сильному прицельному минометно-пулеметно-ружейному обстрелу. Пули попадали в щит «Максима». Двое из нашего расчета, в том числе мой товарищ еще по боям на Северном Донце, Виктор Бородин (или Бородин, родом из Ярославской области) погибли. Мы остались вдвоем с легко раненым в руку солдатом – подносчиком из Средней Азии (имени его не помню). Струдом перетащили пулемет и коробки с лентами (оставалось, помнится, две) на новое место, вышли из зоны прицельного обстрела. От разрыва мин звенело в ушах, я почти перестал слышать. Мы ошалели от непрерывных разрывов.

Я залег за пулемет, повел огонь по маячившим местами позициям противника, откуда шла винтовочно-автоматная стрельба – гит-

леровцы были уже в каких-нибудь 50 метрах от траншей или отдельных окопов. Но через несколько минут нас – двух пулеметчиков – настиг последний удар. Вначале погиб уже раненый, с едва перевязанной, рукой подносчик. У него теперь осколком был разворочен бок и живот. Вскоре получил пулевое ранение в голову и я, от чего на время потерял сознание. Осиротел наш «Максим». Очнулся от возгласов: «Санитар, сестра, сюда!» Передо мной на корточках сидел мой комвзвода лейтенант Кузнецов. Вскоре увидел и комбата капитана Черняева. Кузнецов было подумал, глядя на мою окровавленную голову, что мне конец. Но я был жив. Очнувшись, схватился за голову – течет липкая кровь. Машинально ищу пилотку, пытаюсь разглядеть картину боя, переднюю линию наступления наших, нажимаю на гашетку...

Появилась женщина-санинструктор, перевязала. С ней отправились к ближайшей посадке, до которой бог знает, как я добрался. Оттуда – в санбат, который был в ближайшем селении. Еще пытался остаться перевязанным, плохо соображающим, что к чему, у пулемета (у него же больше никого нет!). Черняев усмехнулся, сказал, что все устроится...

Госпиталь находился в одном из не очень отдаленных сел. Я лежал в каком-то переоборудованном в палату с нарами складском помещении. Лежал меньше месяца. Рана зажила. Сначала долго в черепе была большая

борозда, болела, потом она заросла большим рубцом. Ношу его, как и другие отметины, в память о войне до сих пор.

Через неделю 10 октября, начался второй, решающий этап наступления на Запорожский плацдарм – не менее кровавый, но более успешный. Сказались большая дополнительная подготовка войск, доставка боеприпасов, включение резервов. Как известно, штурмом в ночь на 14 октября Запорожье было освобождено. Плацдарм группировки Манштейна был ликвидирован. И левый берег Днепра стал свободным от оккупантов. Тому событию исполнилось 60 лет. Но еще живы некоторые ветераны, участники сражения за славный славянский город Запорожье (бывший Александровск), с его знаменитым казачьим островом «Хортица».

Мне не довелось тогда вступить в город. Не довелось и продолжить боевой путь в рядах 88-й Запорожской дивизии. Оправившись от ранения, вновь участвовал в боях, пока 17 декабря не был ранен, на сей раз в левую руку на Кировградщине, в районе Каменки, кажется, той самой, в которой было имение семьи Давыдовых, где собирались на тайные собрания декабристы и где бывал А.С.Пушкин. Потом – выздоровление, снова участие в боях, наконец, демобилизация после войны по инвалидности, возвращение на малую Родину, на Урал.

Военные будни госпиталя

1943 год. Первые медсестры и санитарки свердловского эвакогоспиталя № 3866

В верхнем ряду вторая справа Анна Алексеевна Вечерковская. В нижнем ряду вторая слева Клавдия Алексеевна Белых, третья слева Валентина Федоровна Белицкая.

«...Студенточка...
Иль помнишь ты,
но помню я –
с тревогою
я ожидал тебя.
На берегу пруда
твои очи целовал я
И пленился навек тобой
под серебристою луной».

Первые послевоенные годы: «Ласковая песня», «Где ты?», «Случайный вальс»... Танго вдруг стали называть медленным танцем, фокстрот – быстрым. Это тоже было...

По-разному входили в мирную жизнь вечерашние фронтовики. Молодежь, попавшая на фронт со школьной скамьи, не знала мирных профессий, предстояло учиться... Кто щеголял в модных тогда брюках «клевш», а кто донашивал выгоревшие солдатские гимнастерки да грубые кирзовые сапоги. Не каждая «мирная» девчонка принимала приглашение на танец от такого кавалера. И тогда он вполне мог сказать фразу из романа: «Мне бесконечно жаль...»

Мчатся годы, приходят новые поколения. Новые песни западают в душу, чтобы остаться в ней на всю жизнь. Они не хуже прежних, они просто другие.

Салюты победы

Наступают праздники, и над Москвой, над городами-героями небо вспыхивает разноцветьем салютов.

В русской армии салюты вошли в регламент еще при Петре Первом. Тогда во флотский устав ввели правило об отдании салюта нации – 21 выстрел. Это когда в порт прибывали с визитом военные корабли другого государства, и первым салютовал форт порта или другие его батареи. В других случаях салют первыми отдавали гости.

При создании советских вооруженных сил салюты были сохранены для разного рода церемоний. Но особое значение они приобрели в годы Великой Отечественной войны.

Поздним вечером 5 августа 1943 года радиостанции страны передали приказ Верховного Главнокомандующего: «Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать доблестным войскам, освободив-

шим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий».

Это был первый салют победы над фашистами.

Но почему именно из 124 орудий? Как вспоминают организаторы этого салюта (а исполнение его было поручено частям Московского фронта ПВО), именно такое число орудий можно было выделить, чтобы не нарушить боеспособности противовоздушной обороны столицы.

Спустя два дня в газете «Правда» были напечатаны стихи поэта Александра Твардовского:

«...И голос праздничных
орудий
В сердцах взволнованных
людей
Был отголоском
грозных буден,
Был громом ваших
батарей.
И каждый дом и переулочек,
И каждым камнем
вся Москва
Распознавала в этих гулах
Орел и Белгород – слова».

Вскоре Государственным Комитетом Обороны было определено, что салюты будут проводиться и в дальнейшем. При этом было решено, что они будут трех категорий. Первая: 24 залпа из 324 орудий. Таким салютом отмечали освобождение столиц союзных республик, столиц других стран, а также успешное завершение особо важных операций на фронте. Впервые он прозвучал в ноябре 1943 года, когда была освобождена столица Украины – город Киев. За войну было произведено 23 салюта первой категории.

Вторая категория: 20 залпов из 224 орудий. И наконец, третья категория: 12 залпов из 124 орудий. Всего за военные годы в Москве прозвучало 355 салютов.

Знаменательной датой вошло в летопись Великой Отечественной войны 27 июля 1944 года – в тот день Москва пять раз салютовала Советской Армии, освободившей города Даугавпилс, Шауляй, Белосток, Станислав и Львов.

Когда же отмечался Праздник Победы, в Москве прозвучал самый мощный, самый ликующий салют – тридцать артиллерийских залпов из 1000 орудий!

Игоря Викторовича Семенчика уже нет среди нас. Гвардии сержант в отставке, инвалид войны, член общественного Совета Областного госпиталя ветеранов войн и городской Ассоциации жертв политических репрессий, преподаватель радиотехникума, он был бессменным автором "Уральского следопыта".

Память ветерана была неистощима и светла, как воды родника. Предлагаем вниманию читателей его этюды из мемуарной серии "На перекрестках судеб".

Земляки

В вагон я ворвался буквально за минуту до отправления поезда, еле сдерживая сердце, бешено колотившееся где-то в горле.

– Задохся? – участливо спросил мой сосед по купе, поглаживая испещренную лиловыми шрамами ладонь левой руки, на которой отсутствовали три пальца.

– Электричка запоздала, – отдышавшись, ответил я. – Встала возле шлюза через канал Москва – Волга. Вот и пришлось совершать марш-броски по перрону.

Между тем поезд, постукивая на стыках рельс, набирал скорость.

– Едем, – утвердительно произнес сосед, приглашая тем самым к продолжению разговора. Перчатка была поднята.

– До Донецка? – спросил я.

– Ага, до него, – ответил сосед.

– Выходит, попутчики, – добавил я. – Из какой дивизии?

– 230-я. 990-й полк. Матушка пехота.

– Значит, однополчане. Я из артиллерийского. Тогда связистом был.

– Давай знакомиться, – переходя на «ты», сказал сосед. – Я Сергей Бойцов, – и он протянул руку.

– Сам-то под Москвой проживаешь?

– Нет, у дочери был. В Нахабино. Уралец я, из Свердловска. Там и родился.

– Почти земляки будем. А я из Перми. Правда, до войны жил возле Кунгура. Село было большое на возвышенности. И церковь.

– Слушай, Сергей, уж не..., – и я назвал село.

– Оно. Откуда знаешь? Бывал что-ли?

– Доводилось. Летом часто отдыхать приезжал. Тетя у меня там учительствовала. В школе колхозной молодежи арифметику преподавала.

– Уж не Мария ли Павловна? – спросил Сергей.

– Она самая. Мамина сестра.

– Ну дела! Я же у нее учился. Хороший человек. Строгая, но справедливая, – добавил Сергей, поворачивая голову к зашумевшему за окном встречному составу. И тут я увидел у него шрам, протянувшийся от уха до подбородка.

– Это у тебя с войны? – кивнул я на шрам.

– Да нет. В детстве заработал. Во время купания.

– Не может быть, – воскликнул я. – Летом тридцать шестого, на Сылве, под крутым берегом, где купались деревенские мальчишки, при мне один сорвался с доски для ныряния. Прямо щекой о край... Мы еще перепугались и побежали взрослых звать...

– Чудеса, да и только, – всплеснул руками Сергей. – Ведь это был я... Вот так встреча, надо ж подумать... Действительно, как говорится, гора с горой... Слушай, по этой причине... – И он полез в чемодан.

Через минуту на столике красовалась бутылка коньяка, а Сергей, приговаривая: «Ну надо ж, ведь кому расскажи, не поверят», – продолжал доставать различную снедь, сделав протестующий жест, когда я попытался проделать то же самое.

– У меня в 230-й командир отделения был из Перми. Селимгариев. Вернее, из Верхнемуллинского поселка, – доложил я Сергею после первого

стопаря. — А вот из Свердловска за всю войну только один раз встретил. Врач в медсанбате. Разговорились случайно. Жила до войны где-то на улице Розы Люксембург.

Сергей как-то по-особенному посмотрел на меня и сказал:

— Вот я однажды земляка встрел... Иногда сам себе не верю, никому еще не рассказывал, как-то не с руки было.

— Слышь, Игорь, а ты когда в дивизию пришел? — неожиданно повернул он руль разговора.

— На Северском Донце, летом сорок третьего. А ранило под Лепятихой в январе сорок четвертого, — должен я.

— Значит, под Пологами ты был. И как там в оборону встали, помнишь, — не то спрашивая, не то утверждая, произнес Сергей.

Пологи... Этот в те времена небольшой, ничем не примечательный городок в Запорожской области я запомнил по одной причине. На подступах к нему на моих глазах за считанное время был уничтожен эскадрон из 4-й Кубанской казачьей дивизии, брошенный в атаку в конном строю без всякой огневой поддержки...

А взяли город так. В одну из ночей прилетел «кукурузник» и бросил бомбы на станции. Они угодили в состав с горючим, потом начали рваться вагоны с боеприпасами, и началась кутерьма. Тут наши поднажали, и немцы драпанули, но быстро опомнились и заняли оборонительный рубеж.

Помню, что против батальона, который поддерживала наша батарея, стояла не то 206-я, не то 209-я русская рота из власовской армии. Так по крайней мере говорили полковые разведчики.

Однажды Сергея назначили в боевое охранение. Вторым номером к его ручному пулемету придали средних лет узбека из числа тех, что уцелели после пополнения дивизии перед боями за Донбасс. По-русски он почти не понимал. Замаскировались метрах в тридцати от бугорка, который прикрывал небольшой стык в обороне противника.

Тихо. Изредка где-то на фланге протрутит «максим», ему ответит «машингевер», и время от времени,

набирая скорость, ввинтится в небо ракета и понесется потом к земле, чтобы закончить на ней свое недолгое существование.

Узбек долго клевал носом и в конце концов задремал. Сергей ткнул его в бок: «Эй, ипташ, кончай ночевать». Тот спросонья схватил один из запасных дисков к «дегтярю» и уронил его на пулемет. Бойцов не сдержался и громко произнес: «Эх, едят тя мухи с комарами», забыв на мгновение, что они находятся под носом у врага.

— Только я закрыл рот, — продолжал рассказ мой попутчик, — как с того бугорка отчетливо, по-русски: «Эй, ты откудова?»

Я вздрогнул. Направил пулемет, молчу. Ду-маю, отвечать или нет. Насчет подобного «общения» было строго. Сам знаешь, даже слушать всякого рода передачи и призывы с той стороны запрещалось, — продолжал Сергей. — Помню, как однажды, во время очередной агитации, ротный замполит сновал по траншее и кричал: «Не слушать! Не слушать! Открыть огонь!..» Ну, а тут дело другое. Да и любопытство, в конце концов, взяло верх.

— Откуда я? Из Пермской области.

— Не врешь? Я ведь тоже оттуда. Рядом с Кунгуром жил.

— А деревню твою как кличут?

— Село было большое, — донеслось в ответ. И название.

Услышав, я аж обомлел: «Неужели земляк?.. И не в силах сдержаться, спросил:

— Слышь, а ты кто?

После короткой паузы голос назвал себя.

У меня от неожиданности задрожали руки.

— Да ведь на тебя еще в сорок втором похо-

Рис. Вячеслава Микрюкова

ронка пришла. Мамаша твоя, Матрена Карповна, шибко убивалась.

– Живой я покуда. В плен попал без памяти. В лагере от голода доходить начал. А тут вербовщики из Русской освободительной армии. Вот в ей и очутился. – Голос помолчал, а потом продолжил:

– А ты-то кто? Уж не Паты ли Бойцова братан?

– Он самый.

Немного погодя, на жалобной ноте раздалось:

– Слышь, Сергей, ты поди из дому письма получаешь. Как там мои, не слыхал?

Я хорошо помнил этого весельчака и гармониста. Единственный сын у матери да еще пятеро сестер росли без отца, которого задавило деревом на лесозаготовках. Я даже зажмурился от испуга, словно воочию увидел перед глазами смоляной кудрявый чуб и маслянистые, на выкате, глаза этого деревенского сердцееда, закадычного дружка своего старшего брата. И тут меня озарило:

– Переходи к нам! – кричу. – Я скажу, что земляки. А?

– Боюсь. Говорят, есть приказ Сталина о дезертирах. А я еще похлеще. Семья пострадает. А так «пал смертью храбрых...» Пусть идет как идет.

– Может, твоим сообщить? – осмелел я. – Так, мол, и так, встретил в госпитале. Писать ему несподручно, но живой.

– Не надо. Мертвый я. Кровь на мне. Ведь в своих стрелял...

Голос замолчал, а потом произнес:

– Серега, а Серега, ты домой хочешь?

– Что за вопрос. Дурак не хочет.

– Так подними руку. Я тебя раню, вот и поедешь...

Сергей молча разлил остатки коньяка и в упор посмотрел на меня.

– Ты поди решил, что это его работа? – сказал он, кивая на левую руку. И, не дав мне открыть рот для возражения, произнес: – Под Бендерами, почти через год, шарахнуло, а тогда...

– Нет уж, земляк, спасибо, как говорится, за ласку. Не согласен я на такое.

Узенькая полоска зари медленно поползла из-за горизонта. Настало время возвращаться из охранения. Словно почувствовав это, голос вновь окликнул:

– Ну, прощай, Сергей. Желаю тебе домой возвратиться!

Сергей вновь замолк. Молчал и я, боясь ненароком травмировать душу человека, долгие годы придавленную тяжким грузом молчания.

– Демобилизовали меня аккуратно под новый сорок пятый. Домой приехал, так часу не прошло, как Матрена Карповна прибежала. «Сергей Емельянович, не встрел ли где мово? Чую, живой он, материнское сердце сказывает». Я глаза в пол: «Нет, тетка Матрена, не встречал...»

– Ну, а после войны? – полюбопытствовал я.

– Не появлялся. И слухов никаких. Погиб, скорее всего, а может, где там, – он сделал неопределенный жест, показывая рукой куда-то в сторону.

– Да оно и к лучшему. Мать его, пока не померла, пенсию получала за сына, сестры выросли, разъехались кто куда... Вот ведь оно как бывает. Судьба – индейка, а жизнь – копейка, – неожиданно закончил Сергей Емельянович. – Ты посиди, а я пойду покурю. Разбередил сам себя. Может, не надо было...

Фрикадельки по-немецки

Недавно, перебирая свои записи, я обнаружил вот этот афоризм Стефана Цвейга: «Нет ничего прекрасней правды, кажущейся неправдоподобной». Так пришло решение рассказать о случае, который я долгие годы храню в своей памяти.

«Любой ценой» – эту горькую истину, зачистую кровавую, как и цену подобного приказа, испытали на войне многие. Испытали и бойцы нашей 230-й Донецкой (а потом еще и Берлин-

ской) стрелковой дивизии, несколько раз штурмовавшей в ноябре-декабре 43 года высоту с отметкой «плюс 1,4» на Никопольском плацдарме, в районе Большой Ляпетиhi, на ближних подступах к Днепру.

Один из многочисленных древних курганов на земле Северной Таврии законами войны превратился в важный стратегический пункт и арену ожесточенных схваток. Страшно вспомнить, как дорого заплатили мы за обладание

1943-й

этой высотой. И как непросто, зыбко было наше положение на ней!

Немецкие траншеи с трех сторон, полукольцом, почти вплотную подходили к высоте, создавая особую степень опасности для обороняющихся.

И покидая, и особенно, возвращаясь на высоту, ночью надо было хорошо ориентироваться, чтобы не угодить к немцам. Более того, соседний курган, в трехстах метрах, тоже принадлежал врагу.

Короткая, неглубокая балочка, до которой по прямой было с полкилометра, служила местом, куда приходила полевая кухня. Как правило – один раз в сутки, когда стемнеет. Добраться до нее, если не было обстрела, особого труда не составляло. А вот назад...

Чтобы не заблудиться, как сейчас помню, надо было поступить так. На краю балки лежала убитая лошадь. Возвращаться надлежало в ту сторону, куда указывала ее голова. Так делали все, кто ходил на кухню, в том числе и я.

В тот вечер «зенитка» (солдатское название полевой кухни) пришла позднее обычного, что наверняка сыграло свою роль в случившемся.

Ординарец командира роты, молодой украинец из недавно призванных парнишек 1926 года рождения, отправлялся за пищей впервые, и кто-то из старых солдат напомнил ему про ориентир, но, как мне показалось, ординарец вполуха выслушал наставление бывалого солдата.

Обычно дорога в оба конца занимала минут 30-40. А тут прошел час, полтора, а ординарца все не было.

«И где его черти носят! – в сердцах проговорил командир роты. – Еще, не приведи господь, заплутается да к фрицам угодит». Ротный, как говорится, словно в воду глядел.

Прошло еще несколько минут и вот, наконец-то, откинув плащ-палатку, заменявшую дверь, в блиндаж скорее вполз, чем вошел ординарец.

Даже в полумраке была отчетливо видна неестественная белизна его лица. А руки, державшие два плоских котелка, ходили мелкой дрожью.

«Откуда эти котелки? Ведь уходил он с одним и круглым. Да и автомат почему-то без диска», – моментально подумал я, словно предчувствуя, что за

всем этим кроется что-то не совсем обычное.

«Где ты столько времени пропадал? Тебя только за смертью посылать!», – недовольно проворчал ротный.

«То-то-товарищ старший лейтенант», – заикаясь стал отвечать ординарец. Его нижняя челюсть ходила ходуном, в глазах застыл смертельный ужас.

Почувствовав неладное, офицер сказал:

«А, ну садись. Санзай, плесни ему спирту, – и обращаясь к ординарцу мягко проговорил: «Выпей, Грицко, и успокойся. А потом расскажешь, что с тобой стряслось»...

...До кухни он добрался быстро. Наполнив котелок супом, который армейские остряки называли «ППЖ», что в переводе означало: «Прощай, половая жизнь», он уже собрался назад, как подошел его земляк из минометной батареи.

За разговором время пролетело незаметно. Грицко заторопился назад и... забыл про наставления. А тут еще и туман некстати. Солдат потерял ориентировку.

Прыгнув в траншею возле высоты, Грицко обомлел. Прямо в спину ему уперся оружейный ствол и хорошо знакомый, ненавистный по оккупации, голос произнес: «Хальт!» И чьи-то руки сорвали автомат с его плеча.

В блиндаже, куда его привели, было светло, как днем. За грубо сколоченным столиком сидел пожилой седой офицер. Из-под шинели, наброшенной внакидку, Грицко увидел на мундире два железных креста.

– Ты кто? – спросил немец на ломаном русском языке.

– Я... я ординарец командира роты. Несу ужин старшему лейтенанту, – еле ворочая языком от испуга пробормотал Грицко.

Рис. Вячеслава Микрюкова.

Офицер встал и, подойдя к перепуганному красноармейцу, взял у него котелок, с трудом оторвав от дужки побелевшие пальцы.

Поставив котелок на стол, немец помешал ложкой его содержимое, ухмыльнулся и произнес: «Тебе не стыдно кормить геер офицер такая бурда?»

И тут же подал какую-то команду. Сидевший в углу ефрейтор вскочил, щелкнул каблуками и исчез.

Вскоре он появился в блиндаже и поставил на стол два котелка, аккуратно закрытых крышками.

«Отнесешь обер лейтенанту, – сказал немец, кивая на котелки. – Да смотри, больше никс заблудись», – добавил с усмешкой.

Сопровождаемый автоматчиком, Грицко вышел в траншею. «Рус, ком нах хауз, – произнес автоматчик, показывая рукой в ту сторону, где была наша высота. – Шнеллер, шнеллер», – осклабившись, добавил он.

«Ну все, – с ужасом подумал Грицко. – Как

только вылезу, он меня пристрелит».

Ноги стали ватными, по спине, между лопаток, поползла струя холодного пота. Никогда в его жизни костлявая не стояла так близко, как в эту минуту.

С трудом выполз он из траншеи и еле-еле пошагал на негнущихся ногах, каждую секунду ожидая автоматной очереди в спину.

Грицко замолк. Молчали и мы, ожидая вердикта командира роты.

«Вот что, славяне, – произнес наконец старший лейтенант. – О происшедшем – никому ни слова. Не дай бог дойдет до контрразведки. Тогда пиши, пропало. Тем более, что парень из оккупации. Скажут, что завербовали, потому и отпустили. Не приказываю, прошу».

Обет молчания все присутствующие держали крепко. Во всяком случае, до того момента, когда меня недели через три ранило, Грицко ревностно исполнял свои обязанности. Вот только на кухню ротный его больше не посылал. Наверное, берег от стресса.

Военные будни госпиталя

Год 1943. Свердловский эвакогоспиталь № 3866 переполнен ранеными. В помещении, рассчитанном на 350 человек, содержится 650 раненых. На снимке – обход палат ведущим хирургом Ольгой Николаевной Бычковой (сидит у постели больного). Справа стоит начальник госпиталя Анна Ивановна Штин. 3-й слева – врач-физиотерапевт Яков Танеевич Гуткин; 4-я – начальник медчасти госпиталя, врач-хирург Ада Александровна Гранникова (Успенская).

«За Зину Туснолобову!»

(О подвиге, рассказанном газетной строкой)

За окном госпиталя – ветер. Острый, колющий снег ударяет в стекла. Сейчас бы соскочить с постели, набросить на плечи шинель, выбежать на заснеженную улицу и ходить, ходить до изнеможения... Зина грустно улыбнулась. Этому теперь никогда не бывать. Никогда.

В сотый раз перебирает она в памяти свой короткий, слишком короткий жизненный путь. Школа. Комсомол. Работа на заводе. Курсы медсестер. Фронт.

В июле 1942 года Зина участвовала в первом бою, перевязала первого в своей жизни раненого. Это было в дни жарких сражений за Воронеж. Уже в первых двух боях Зина вынесла из-под огня 40 раненых солдат и офицеров с их личным оружием. Ее наградили орденом Красной Звезды. А за все время пребывания на фронте она спасла 128 человеческих жизней.

Самое страшное случилось 2 февраля 1943 года в бою под станцией Горшечное Курской области. Сообщили, что ранен командир роты. Зина поползла перевязать его, но сама была ранена в обе ноги разрывной пулей. Превозмогая боль, она все-таки доползла до офицера. Он был уже мертв. А фашисты пошли в контратаку. Зина осталась среди убитых. Враги приближались. Вот один из них подбежал совсем близко. И вдруг – тяжелый удар сапогом в живот. Потом

еще и еще... Больше она ничего не помнила.

На вторые сутки ее подобрали разведчики, возвращавшиеся с боевого задания. Она лежала лицом вниз на розовом снегу. Кожа на лице висела рваными клочьями. В кармане гимнастерки были документы на имя гвардии старшего сержанта медицинской службы Зинаиды Михайловны Туснолобовой. Девушка еще дышала.

Восемь мучительных операций следовали одна за другой. Руки пришлось ампутировать. Ноги – тоже.

«Для чего теперь жить?» – уткнув голову в подушку, Зина беззвучно плакала по ночам. Хотелось кричать, биться головой о спинку кровати. Ведь ей только 23 года!

Но в госпитале и не подозревали о смятении девушки. Соседи по палате даже завидовали ее спокойствию и выдержке. Никто не знал и о другом ее горе: Зинин муж, старший лейтенант Марченко, пропал без вести. Вряд ли кто-нибудь догадывался, что у этой худенькой, коротко стриженной девушки, похожей на подростка, вообще есть муж. Они поженились за несколько дней до начала войны...

Впрочем, за год, проведенный в свердловском госпитале № 3861, Зина сделала кое-какие успехи. Например, она сама пишет. Правая рука ампутирована выше локтя, но на остаток руки надевается резиновая манжетка с прикреплен-

После восьми операций

И.П. Марченко

З.М.Туснолобова перед войной

ной к ней авторучкой. И Зина сама выводит буквы.

И еще радость. Хирург госпиталя Николай Васильевич Соколов сделал удачную операцию на левой руке: разъединил кости в предплечьи и обшил их мышцами. Получилось подобие клешни. Не очень красиво, но зато Зина сама может держать стакан, ложку, перелистывать книжные страницы. О, еще далеко не все потеряно в жизни!

**Из очерка Юрия Мячина
«Рассказ об одном подвиге»
в газете «На смену!» 15 декабря 1957 г.**

Подвиг продолжался в тылу. Зина держалась мужественно, утешала других раненых и просила для этого переносить себя из палаты в палату.

Захотела она однажды встретиться и с молодежью Уралмаша. Обратимся к одному отчету о необычной встрече.

«...В огромный холодный цех завода острожно внесли носилки. Пройдя на середину сборочной площадки, где стояли полностью готовые к отправке боевые машины, молодые рабочие бережно поставили их на танк. Сотни людей, собравшихся в обеденный перерыв в цехе, замерли. Приподнявшись на носилках, Зина Туснолобова обратилась к молодежи

– Дорогие друзья! – сказала она взволнованным голосом. – Мне 23 года. Я очень сожалею,

что так мало успела сделать для своего народа, Родины. Сейчас я не могу работать. У меня нет теперь ни рук, ни ног. Я вас очень, очень прошу: если можно, то сделайте за меня хотя бы по одной заклепке для танка.

Зина умолкла. В цехе наступила необычная тишина. На этом собрании рабочие обязались к концу месяца выпустить сверх плана пять боевых машин.

В назначенный срок из заводских ворот вышли, поблескивая свежей краской, пять танков «Т-34», выпущенных из сэкономленного металла. На бортах грозных машин кто-то старательно вывел белой краской «За Зину Туснолобову!»

**Из очерка В.Зайцева
«Подвиг продолжался в тылу»,
газ. «Вечерний Свердловск» 27 мая 1970 г.**

Николай Васильевич Соколов – ведущий хирург госпиталя № 3861 сделал девушке несколько искусных операций и восстановил жизнедеятельность одной руки. После того, как раны зажили, он же отвез Туснолобову в Московский протезный институт. Зине изготовили протезы, и она начала учиться ходить – второй раз в жизни. Тогда и завязалась их переписка. Из письма Зины Туснолобовой-Марченко Н.В.Соколову:

«... как быстро течет время! А помните канун 1944 года? С завода приехали в госпиталь, просили меня выступить. Я была там сильной,

1943-11

говорила нужные людям слова. А в палате становилась опять слабой и упрямой, ни за что не давала согласие на операцию. Вы же обладали удивительным даром внушать людям веру в исцеление, и упрямство мое было сломлено.

Но кончилось действие пантопона, и вы (будто знали) появлялись в палате именно тогда, когда иссякали силы. Сняв сапоги, в мягких тапочках неслышно подходили к кровати и начинали читать каламбуры Козьмы Пруtkова, чтобы как-то заглушить нестерпимые боли. А в ночь под Новый год я открыла глаза и увидела на тумбочке два яблока. Зима, 1943 год... и яблоки. Как в сказке! «Это тебе, Зинушка! Жена из Москвы гостинец прислала», – сказали вы шепотом»

«Медицинская газета» 1 января 1965 г.

Пришел неожиданный конверт с фронта – письмо от мужа! Она боялась этого письма. О чем думает Иосиф? В этом конверте находилась ее судьба. Открыла конверт зубами. И начала читать.

«Милая моя малышка! Родная моя страдала! Никакие несчастья и беды не смогут нас разлучить. Нет такого горя, нет таких мук, какие бы вынудили забыть тебя, моя любимая. И у

радости, и у горя – мы всегда будем вместе. Я твой прежний, твой Иосиф. Вот только бы дожидаться победы, только бы вернуться домой, до тебя, моя любимая, и заживем мы счастливо. Вчера твоим письмом поинтересовался один из моих друзей. Он сказал, что судя по моему характеру, я должен с тобой отлично жить и в дальнейшем. Я думаю, он правильно определил. Вот и все. Писать больше некогда. Скоро пойдем в атаку. Желаю быстреешего выздоровления. Ничего плохого не думай. С нетерпением жду ответ. Целую бесконечно. Крепко люблю тебя, твой Иосиф».

*«Вперед на врага»,
красноармейская газета
1-го Прибалтийского фронта. 1944 г.*

Капитан гвардии Иосиф Петрович Марченко сдержал слово настоящего человека. После войны он вернулся к своему другу жизни. Они жили в Полоцке, родном городе Зины Тусноловой. Вот строки из письма журналистки Таисии Алексеевны Максимовой свердловскому хирургу Н.В.Соколову:

«Перед Новым годом я была в Полоцке и в который раз восхищалась Зиной и всем укладом их, без всяких скидок, настоящей

В семье З.М.Тусноловой-Марченко

счастливой семьи. Дети у нее замечательные – трудолюбивые, дисциплинированные, здоровые и жизнерадостные. А девочка – просто красотка...»

Строки из письма Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко Н.В.Соколову:

«И вот мы с Иосифом вернулись в Полоцк, посадили сад. А через несколько лет упаковали ящик с яблоками и послали вам в Свердловск.

В посылке были солнце и тишина, воспоминания и настоящее. Победа жизни!

Кто знает, может быть, это и есть счастье?

Чтобы вот так раздольно цвел сад и росли дети.

Чтобы дом был полон всегда яблочным запахом и звоном ребячьих голосов.

Чтобы даже во сне не снились ядерные взрывы.

Дети! Подумать только, Вовочка уже в восьмом классе, а Нина-егоза последний год ходит в детский садик. Сейчас поздний вечер, моя шумная семья уgomонилась, все спят, и я пишу вам письмо...

Вся моя семья желает вам, дорогой мой доктор, здоровья, счастья, больших успехов.

Приезжайте к нам летом на яблоки, Николай Васильевич! Забирайте всю семью с собой!

Будем ездить в лес по грибы, на рыбалку! А главное – вы увидите, как я научилась самостоятельно стряпать, топить печь и даже штопать ребятам чулки.

Горячо любящая вас Зинаида».

«Медицинская газета» 1 января 1965 г.

Полоцк Витебской области. 1 сентября. Здесь состоялось собрание общественности города, посвященное вручению международной медали Флоренс Найтингейл Герою Советского Союза Зинаиде Михайловне Тусноловой-Марченко. Награда присуждена Международным комитетом Красного Креста в Женеве.

Флоренс Найтингейл – первая английская сестра милосердия, национальный герой своей страны, совершившая подвиг в прошлом веке. Медаль в память этой патриотки присуждается каждые два года сестрам милосердия разных государств.

«Известия». Сентябрь 1965 г.

По материалам музея Свердловского областного госпиталя ветеранов войн.

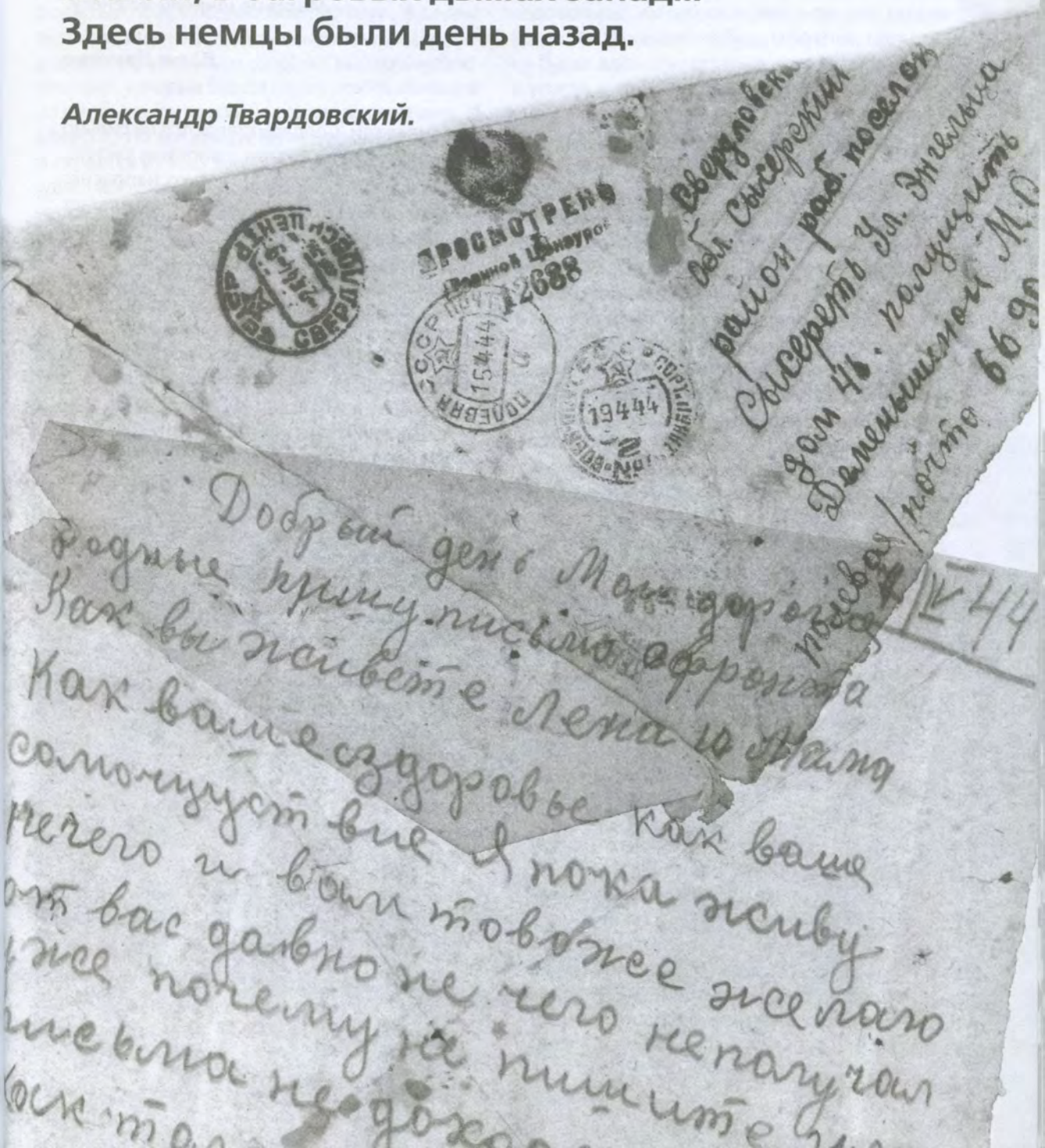

Донбасс освобожден. Красная Армия идет вслед за отступающими фашистами, чей путь отмечен пожарами, трупами и разрушениями

1944

Железной гари едкий запах,
Горелых трупов древний чад.
В пыли, в багровых дымах запад...
Здесь немцы были день назад.

Александр Твардовский.

Здравствуй, милая Маруся!..

*...Я хочу забыть свою пехоту,
Но забыть пехоту не могу,
Беларусь – промерзшие болота,
Мертвые шинели на снегу.*

Юлия Друнина

Пролог

Нет, меня в это пекло никто не посылал. Я сама придумала себе такую жизнь. С детства, еще со школы мечтала о путешествиях, приключениях и подвигах, не подозревая, что мои детские мечты могут осуществиться так скоро. В начале июня 1941 года я окончила семь классов средней школы города Уфы, а 22 июня началась Великая Отечественная война. И было все – и путешествия, и приключения, и подвиги. Теперь, с высоты прожитых лет вспоминая о своей боевой юности, я до сих пор не знаю, горевать мне об этом или радоваться. Ведь с годами мировоззрение меняется. Иногда кажется: поступи я иначе – в молодости всегда есть выбор – жизнь сложилась бы лучше (по мудрым житейским меркам).

Но ведь молодежь моего предвоенного поколения, прямо сказать, презирала благополучную, легкую жизнь. Считала ее уделом слабых. Нас тянуло в неведомую романтическую даль, за линию горизонта, на край пропасти, где живут самые смелые люди. Хотелось посмотреть, какие они. Может, причиной тому была жажда подвига, что живет в каждом молодом сердце.

Земля сухая и твердая напоминала раскаленную сковородку, на которой куском тающего масла плавало солнце. Оно уже изжарило все. Выпило влагу из почвы и растений, превратив стебли кукурузы в белые, длинные палки, натканные вдоль полевой дороги. Даже голубой воздух будто застыл, сделался стеклянным. Ничего живого вокруг. Все замерло, затаилось от зноя, лишь какое-то серое, пыльное облако перемещается по дороге. Это движется по ней наша стрелковая рота. Молча, с плотно сомкнутыми ртами (чтобы не дышать пылью), с авто-

матами на груди. Солдаты стараются не сильно топтать, чтобы не вздымать сапогами густую, волнистую пыль на дороге. Только напрасно. Сухая пыль с удивительной легкостью взлетает вверх при малейшем прикосновении и серым облаком стелется над колонной.

Солнце поднимается все выше, и зной становится нестерпимым. Мне начинает казаться, что вот в какой-то момент закипит единственная в этом пекле жидкость – кровь в жилах людей, и все мы бездыханными трупами останемся в чужом румынском поле.

Ужасно, как хочется пить. И в эти минуты я ни о чем другом, кроме висящей на моем ремне алюминиевой фляжки с остатками теплой воды на донышке, думать не могу. Хотя бы один глоток. Я, конечно, понимаю, что жажды он не утолит, и вода тут же испарится через поры тела. Но сдержаться просто невозможно. Так хочется почувствовать то мимолетное блаженство, когда металлическое горлышко фляжки коснется сухих губ, и влага, пусть даже теплая, на мгновение освежит иссохший рот.

Я шагаю в первой шеренге правофланговой и исподтишка поглядываю на идущих рядом со мной бойцов, которые почему-то могут сдержать себя и не прикладываются часто к своим фляжкам. Но я не могу. Я мысленно признаюсь им в своей слабости и прошу у них за это прощения. Когда мне кажется, что солдаты, погруженные в свои мысли, на меня не смотрят, я украдкой снимаю с ремня флягу и выпиваю заветный глоток теплой воды.

Когда пехотинцы идут на марше, отмеривая километры пути, они всегда с надеждой смотрят вперед, на горизонт. Не появилась ли там черная точка. Потом эта точка, с каждым шагом

пехотинца, станет все увеличиваться, разрастаться, превращаясь в большое, темное пятно. А это значит, что впереди маячит населенный пункт, деревня или город, где будет короткий отдых, а может, и черпак горячих щей из котла полевой кухни. Солдату неизвестны маршруты его пути. Это дело командиров, а его удел – шагать, как прикажут. Но в разлившемся вокруг кукурузного поля солнечном мареве горизонта не видно, и сколько нам еще шагать, неизвестно.

Впереди, справа по обочине дороги, шагает старшина роты Назаров. Невысокий, худощавый, с приподнятыми плечами, в своем зеленом, еще не успевшем выгореть, обмундировании и в хромовых сапогах с высокими голенищами, которые блестят даже сквозь осевшую на них пыль, он похож на полевого кузнечика. И кажется, что вот сейчас он подпрыгнет, взлетит и скроется из глаз в кукурузном поле. Я только удивляюсь, как равномерно, словно автоматически, шагает старшина. Как будто совсем не устал, не чувствует этой убийственной жары.

Будто уловив мои мысли, старшина вдруг оборачивается к строю своим темным, усталым,

с глубокими морщинами лицом, на котором чистыми капельками воды сверкают его небольшие, светлые глаза и хрипло командует: «Запевай!»

Если бы в этот момент из кукурузного поля вдруг выскочили немцы или разорвался снаряд, то это вызвало бы меньшее удивление и негодование, чем такая нелепая команда. «Он что, с ума сошел, этот старшина Назаров? – со злостью думаю я. – Заставить утомленных длинным маршем и зноем людей петь?!» Мои товарищи-пехотинцы, что идут в колонне, тоже недовольны, им сейчас хочется одного: скорее бы дойти до какого-нибудь местечка, где можно будет вдоволь напиться холодной водички и упасть в тень под деревом хотя бы на пять минут отдыха.

Нет, никого не обрадовала эта команда старшины. Иное дело, когда где-нибудь во второй эшелоне, на переформировке, идешь строем в столовую или по улице города, где на тебя смотрят люди. Тут и впрямь хочется петь. А здесь, в поле, для кого петь? И рота упрямо молчит, продолжая свой путь по дороге. И тогда старшина

Встреча двух фронтов

снова командует: «На месте – шагом марш!» Ну вот, так он наказывает нас за невыполнение его приказа, за то, что мы не желаем петь.

И сколько ты ни возмущайся и ни негодуй на несправедливость приказа, тебе все равно придется его выполнять – потому что в армии все держится на дисциплине, и приказы не обсуждаются, а выполняются.

Рота топает сапогами на месте, в пыли, но теперь уже все ждут меня, потому что я – запевала роты. Я и на военных курсах в Уфе слыла запевалой. У нас там была художественная самодеятельность и хор. Помкомвзвода, немолодая уже, по моим тогдашним понятиям, толстая женщина-старшина по фамилии Эфрос, услышав, как я пою в хоре, назначила меня запевалой роты. Нас тогда каждую неделю водили строем в чернышевскую баню. И когда мы шли по улицам Уфы, то пели строевые песни. Когда старшина Эфрос командовала: «Шипанова, запевай!», я, глотнув морозного воздуха, звонким голосом начинала:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...

Рота будущих военных поваров чистыми женскими голосами подхватывала:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война...

На улице с тротуаров на нас смотрели прохожие, останавливались, пропуская военный строй, трамваи и автобусы. А мне казалось, что все люди смотрят только на меня – такую юную, счастливую запевалу роты.

Топая по пыльной дороге на одном месте, я лихорадочно вспоминала все известные строевые песни, выбирая, какую из них могли бы запеть вместе со мной эти усталые, немолодые уже солдаты. И неожиданно мне вспомнилось мое недавнее детство в деревне на Волге. Однажды вернулся с финской войны наш односельчанин, солдат Харитонов, дом которого стоял как раз через дорогу от дома моей бабушки Натальи. Вечером у Харитоновых были гости, и мы, деревенские дети, из темных сеней через дверь, открытую в освещенную керосиновой лампой комнату, с любопытством наблюдали, как гуляли

гости. За большим столом, уставленным угощениями, сидели хмельные от вина и радости люди, наши односельчане, и пели песни. В центре стола в своей красивой военной форме, на которую, мы, дети смотрели с завистью, сидел сам Харитонов со счастливым, румяным лицом и, обнимая за плечи свою черноглазую красавицу-жену, запевал известную всем в деревне песню: «Здравствуй, милая Маруся!»

И здесь, в пыльном румынском поле я поняла, что именно эта песня будет сейчас к месту, придется по душе этим терпеливым, молча тоскующим по своему дому, мужчинам. Решительно вскинув голову в слепящее небо, я как могла весело и громко крикнула:

Здравствуй, милая Маруся,
Здравствуй, цветик золотой...

Пятьдесят охрипших мужских глоток подхватили:

Мы приехали обратно
С Красной Армии домой...

Под аккомпанемент солдатских сапог, мысленно грозя пальчиком неизвестной мне Марусе, я продолжала:

А ты думала, Маруся,
Что погиб я на войне...

Стук сапог о сухую землю: раз, два, и печальные голоса:

Что зарыты мои кости
В чужой дальней стороне...

И уже вся рота в один голос громко и уверенно подхватывает:

Нет, нет, милая Маруся,
Не погиб я на войне,
Пуля острая задела
Шинель серую на мне...

Ах, как им всем, моим братьям-пехотинцам, хотелось, чтобы было именно так, хотелось выйти и вернуться домой к своей жене, к своей Марусе, как поется в той простой, но близкой сердцу каждого солдата песне!

И с этой песней мы входим в село, утопающее в густой зелени высоких ореховых деревьев. Старшина Назаров подает желанную коман-

ду: «Разойдись! Привал пятнадцать минут!» О, что это значит – пятнадцать минут на войне! Сколько всего можно успеть сделать за эти пятнадцать минут!

Роту словно волной смывает с пыльной дороги. Солдаты торопятся в тень деревьев, к домам, к колодцу, из которого через мгновение, звеня цепью и покачиваясь от напряжения, выскакивает железное кованое ведро с такой чистой, такой холодной водой, что просто не верится, что это чудо может быть на белом свете.

Блаженно прикрыв глаза, обливаясь, солдаты по очереди припадают к ведру и долго пьют, словно стараются запастись водой на будущее. Умытые посвежевшие лица бойцов светятся от простых житейских радостей.

Я, завернув воротник гимнастерки, прошу бойцов полить мне на голову из ведра. Вода очень холодная, ну просто ледяная. И я с веселым визгом смываю пыль с моих длинных, непослушных волос. С мокрой головой влетаю в деревенский дом через распахнутую дверь и на мгновение замираю – мне показалось, что я вбежала в дом к моей бабушке Наталье в Красной Поляне, что под Тетюшами на Волге. Те же белые занавесочки на окнах с цветущими гераньками в глиняных горшочках. В простенке – большое зеркало в раме, украшенное белым

кружевным полотенцем. В переднем углу, на иконе – темные иконки с ликами Николая Угодника и Богородицы с горящей перед ними лампадкой. И тут я делаю открытие путешественника, что все крестьяне на земле живут одинаково.

На меня с нескрываемым любопытством смотрят две черноволосые и черноглазые женщины, видимо, хозяйки этого дома. Одна из них постарше, вторая совсем молодая. Наверное, это мать и дочь, заключаю я. Они одинаково одеты в белые кофточки с короткими рукавами и черные длинные юбки. Я не знаю ни слова по-румынски и на всякий случай говорю им по-русски: «Здрасте». Женщины в ответ улыбаются. Они, конечно, впервые видят русскую девушку-солдата. Еще вчера здесь были немцы. Они ушли из села ночью, как сообщили нам разведчики, появившиеся в селе раньше нас. Немцы теперь прячутся где-то на холмах, в лесных массивах, и ночью будут вырываться из окружения, в котором неожиданно оказались. Только вряд ли им это удастся. 2-й Украинский фронт, развивая успех, за несколько дней наступления ушел далеко вперед – даже выстрелов, звуков боя не слышно. Часть наших войск, в том числе и наш батальон капитана Каратаева, оставили для ликвидации окруженной Яссо-Кишиневской группировки противника.

В начале войны Валя Кошкина была студенткой Свердловского медицинского института. На ее способности и живой, общительный характер обратила внимание ведущий хирург госпиталя № 3866 Ольга Николаевна Бычкова, преподававшая на кафедре хирургии. У института была острая нужда в транспорте для доставки топлива. Госпиталь и вуз договорились: мы вам даем полуторку на три дня, а вы нам студентку Кошкину на год. Так началась у Валентины Ивановны Кошкиной-Имбро ежедневная госпитальная практика. По сути дела, она выполняла обязанности врача, участвовала в проведении операций. Закончив в 1944-м вуз, Валя только год поработала по распределению в институте микробиологии, а в 1945-м вернулась в госпиталь. В музее хранятся ее душевные воспоминания. Такая вот улыбчивая, неунывающая была она всегда.

Военные будни госпиталя

1941-1945

Старшая женщина, увидев, что у меня мокрые волосы, принесла белое полотняное полотенце, которым я вытираю голову, посматривая на себя в зеркало на стене.

Ух! Как давно я не смотрелась в зеркало! Неужели задорная, загорелая девушка с санитарной сумкой через плечо – это я, недавняя уфимская школьница?

Расчесывая свои длинные волосы, я думаю, что надо бы их обстричь, обрезать, потому что ухаживать за ними нет возможности. В армии – все просто и строго. Ничего лишнего, что могло бы мешать бойцу выполнять его обязанности. А на войне – тем более. Тут и умыться-то приходится не каждый день.

Конечно, в комендантском взводе, где я недавно служила, горячую воду можно было брать из котла полевой кухни; а здесь же, в батальоне, – вся вода во фляжке на твоём ремне.

Но как мне постричь волосы? И я неожиданно решаю попросить вот этих женщин. Обращаюсь к ним, проводя двумя пальцами, как ножницами, вокруг головы: «Чик-чик». Кажется, старшая поняла меня. Она подходит к окну и показывает рукой, объясняя по-своему, в каком доме у них парикмахерская или живет парикмахер. Но я останавливаю ее: «Нет-нет, – говорю я ей, – мне некогда ходить по парикмахерским». На пальцах показываю: «У меня всего пятнадцать минут». Женщины сочувственно улыбаются и пожимают плечами. Но я не отступаю: «Ну, что вам стоит, – убеждаю их я, – мне ведь не надо, чтобы было красиво. Вы только обрежьте волосы сзади, которые мне очень мешают».

Кажется, до них дошел смысл моей просьбы. Старшая скрывается за занавеской и выходит, держа в руках огромные ножницы. Я весело смеюсь, опять вспомнив свое детство. Ну, точно такими же ножницами у нас в деревне стригли овец. Для нас, детей, бабушкиных внуков, это было целое событие. Мы смотрели, как сначала ловили большую овцу во дворе. Потом под ее жалобное блеяние связывали ей ноги и клали на расстеленный на чистом дворе брезент. Приглашенный бабушкой односельчанин, долго и старательно поскрипывая большими ножницами, состригал с овцы шерсть – всю в репьях и колючках. После чего овцу отпускали. И она, ставшая вдруг маленькой и смешной, ошалело бегала по двору, мотая головой, удивленная неожиданной легкостью своего тела.

Глядя на большие ножницы, у которых было совсем другое назначение, чем стрижка женских волос, я спросила: «Неужели у вас нет

других, поменьше?» Женщина поняла вопрос и покачала головой: «Нет».

Делать было нечего. Я села на прочную табуретку посреди комнаты, как раз перед большим зеркалом. Женщина, угрожающе пощелкивая ножницами, подошла ко мне сзади. «Режьте!» Вряд ли ей когда-нибудь приходилось заниматься подобным делом. Она осторожно захватывает одной рукой мои пышные локоны, за которые в детстве меня дразнили цыганкой, и, лязгнув зубьями ножниц, срезает их. Я мотаю головой, как та деревенская овечка, довольная приятной легкостью. Румынки улыбаются, видимо, тоже довольные, что угодили мне, выполнив такую необычную для них работу.

Натянув свой фирменный берет со звездочкой, я выбегаю из дома на улицу. А там уже идет построение. Подошла еще одна рота батальона во главе с комбатом Каратаевым.

И вдруг я вижу совсем неожиданное: неподалеку, сверкая на солнце золотом медных труб, стоит военный духовой оркестр. Оказывается, его прислал политотдел дивизии, чтобы мы прошли с ним по первому освобожденному от немцев румынскому селу.

Я становлюсь на свое место в строю. Вижу, какими серьезными стали лица бойцов. Они прихорашиваются, поправляют гимнастерки под ремнем, застегивают пуговицы у воротника. Понимают: предстоит нечто необычное, важное. Наш молодой комбат Каратаев (ему всего двадцать четыре года), как всегда аккуратный и подтянутый, с ослепительно-белым подворотничком и орденом Красного знамени на груди, строго осматривает внешний вид бойцов. Потом возвращается к голове колонны и становится между оркестром и первой шеренгой строя.

«Смирно!» – звучит высокий фальцет комбата. Батальон замирает, послушный команде. «Шагом марш!» И тут грянул оркестр. Его чистые звуки раскололи тишину, заполнили собой небо и землю.

Под звуки мелодии «Молдаванеску», видимо, специально выученной оркестром к этому моменту, шагают бойцы батальона по широкой улице села. Наверное, впервые за годы войны так громко и свободно звучит под этим синим небом народная мелодия. На зов ее выбегают из домов жители села. Они стоят возле дороги, улыбаются и что-то говорят по-своему. Мы не понимаем их языка. Но нам понятны их добрые, радостные улыбки на лицах. Они видели в нас своих освободителей.

На следующий день точно в таком же селе

две румынские женщины спасут раненого русского сержанта-артиллериста по фамилии Бойко. Ночью через это село пройдут прорывающиеся из окружения немцы и расстреляют весь артиллерийский расчет, остановившийся там на ночлег. Живым останется только Бойко. Румынки сделают ему самодельную перевязку из полотенец и спрячут в подвале своего дома. Утром, когда наш батальон войдет в село, румынские женщины найдут меня, и я отвезу раненого сержанта в медсанбат. Румынки положат в повозку две большие пуховые подушки: чтобы было полегче в пути.

Как хорошо, легко шагать в строю под звуки оркестра! Там бы и идти с ним до самого Берлина. Мои ноги, обутое в легкие парусиновые сапожки, пошитые батальонным сапожником из старой плащ-палатки, упруго ступают по твердой земле. И от сознания того, что каждый мой шаг вперед – это метр освобожденной земли вот для этих людей, что стоят возле дороги и с надеждой смотрят на нас, мое сердце наполняется гордостью за нашу страну, за советскую армию, которой выпала доля освобождать народы Европы от фашизма.

С гордо поднятой головой я шагаю в солдатском строю и ловлю на себе восхищенные взгляды еще вчера незнакомых мне людей-иностранцев.

И среди них мне улыбается молодой, чубатый парень в расшитой, красивой безрукавке, с белыми, ровными зубами, похожими на плотные зерна кукурузы на початках. И, надо сказать, это мне приятно. Потому что я – первая. Первая русская девушка, которая с отрядом солдат-освободителей вошла в село (оно три года было под немецкой оккупацией), и торжественным маршем, с оркестром прошла по его улицам.

Потом, наверное, здесь будут и другие девушки в погонах – медсестры санрот и медсанбатов. Но первой была я. А кому в восемнадцать лет не хочется быть первой?..

Эпилог

Нет, о судьбе своей я не жалею. И если бы можно было вернуть тот год, тот единственный год моей жизни на войне, я прожила бы его так же.

А что касается богатства... Есть в моем домашнем архиве небольшой документ на гербовой бумаге – справка ВТЭК, где фиолетовыми чернилами написано: «Причина инвалидности (я – инвалид второй группы) – ранения, полученные в боях при защите СССР». Вот это и есть мое богатство...

«Вольга, Вольга, муттер Вольга...»

В небольшой комнате, тесно сгрудившись у стола, сидел наш артиллерийский полк. Девятнадцать человек, приехавших со всех концов страны. Первым делом помянули тех, кого уже нет с нами, а потом, как водится, потекла река воспоминаний.

— Братцы, — предложил я, — пусть каждый вспомнит самый, на его взгляд, необычный случай, происшедший с ним на войне.

Когда очередь дошла до бывшего разведчика нашей батареи, москвича Евгения Гербачевского, он как-то по-особенному оглядел всех:

— Об этом я еще в жизни никому не рассказывал. Разные были тому причины. И времена тоже. А сейчас... Впрочем, настала пора. Когда еще встретимся. Да и все ли.

...Ох и досталось нашему артполку при форсировании Северного Донца летом сорок третьего! Так, что вскоре дивизию вывели на формирование. В густом лесу возле станции Графской к нам пришло пополнение. Одного из тех, кто попал в нашу батарею, наверняка запомнил бы любой. Хаджи-Мурат, крымский татарин, лихой шофер, явился... босиком.

— Где твоя обувь? — грозно спросил его старшина батареи Алиев.

— Украли, когда спал. Жульга развелось — спасу нет,

— глядя на старшину глазами святого, произнес Хаджи-Мурат, ставший водителем машины одного из орудийных расчетов.

Вот уже позади весна сорок четвертого. Наступило жаркое лето с отягощенными плодами деревьев, огромными кумачовыми помидорами и яркой зеленью виноградников, заполонивших долину к югу от села Бычек и дальше, почти к самому пригороду Бендер — Варнице.

Хоть редко, но бывают на фронте такие ночи, когда война на каком-то участке погружается в полусонную дремоту. Словно нехотя, как говорится, «в час по чайной ложке», лениво выдают скупую очередь пулеметы, да время от времени яркими каплями разноцветья рассыпаются в небе ракеты.

Так было и в ту молдавскую звездную ночь, когда неистощимый на выдумки при добыче

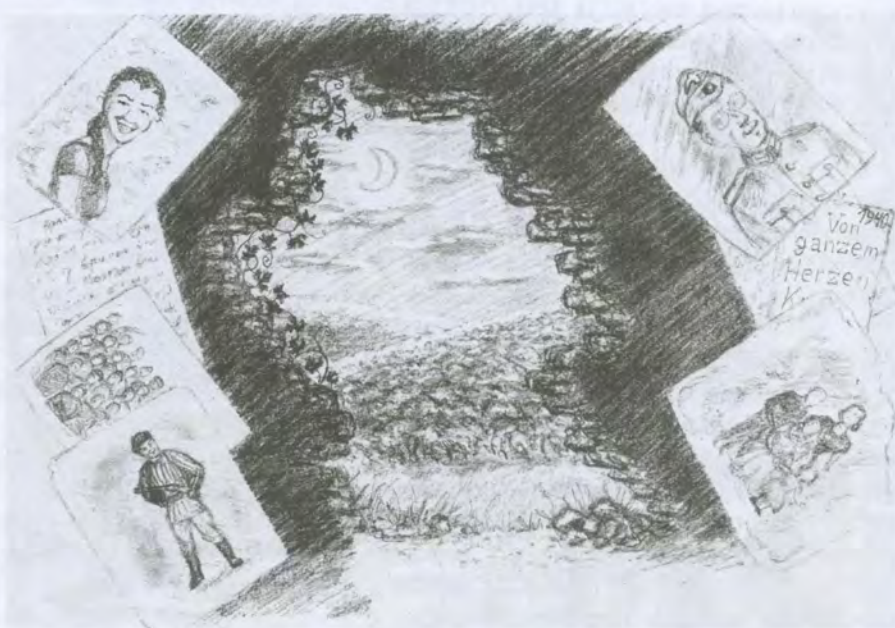

Рис. Вячеслава Микрюкова.

спиртного красноармеец Хаджи-Мурат ввалился в землянку взвода управления батареей.

– Жека, – шепнул он Гербачевскому, с которым был в приятельских отношениях. – Выйдем. Дело есть.

– Ну? – вопросительно посмотрел на него Евгений.

– Вон там, в нейтралке, ну, где развалины кирпичного сарая, фрицы песни поют.

– А тебе жалко? Пусть базлают.

– Понимаешь, – взяв Евгения за ремень автомата, загадочно проговорил Хаджи-Мурат, – похоже, что они немного под турахом. Слушай, давай сползаем. Может, и нам плеснут.

– Ты что, рехнулся? – оторопел Евгений.

– Ну, как хочешь. Если боишься, я один пойду, – сказал Хаджи-Мурат.

Если бы он не произнес «боишься», я бы наверняка вернулся в землянку, а тут... В двадцать лет ума было не так уж много. А гонору – хоть отбавляй.

– Идем, – сказал Евгений.

Сплошной обороны у нас на этом участке не было. Поэтому проползти между двумя нашими огневыми точками, отстоящими друг от друга метров на двести, хоть и рискованно, но было можно.

Подползли поближе. «Вольга, Вольга, муттер Вольга, Вольга, Вольга русиш флюс...», – доносилось из развалин.

– Двое поют, – сказал Хаджи-Мурат. – Нас тоже двое, так что все якши.

Два немца сидели, прислонившись к невысокой полуразрушенной стене. Перед ними

стояла канистра с вином, на пятнистой плащпалатке горой лежали помидоры и крупно нарезанные куски колбасы. Этот натюрморт освещала стеариновая плошка. Чуть поодаль стояли две винтовки.

Когда в проломе выросли две фигуры с автоматами, немцы, поперхнувшись на полуслове, оторопели и стали поднимать руки.

– Эй, фрицы, никс плен. Шнапс, тринкен шнапс, – проговорил Хаджи-Мурат, подходя вплотную.

Оцепенение длилось несколько секунд.

– Битте, рус Иван, зетцен зи зих, – пришел в себя тот, что постарше, и, наполнив кружку, протянул ее Хаджи-Мурату, а другую – мне...

Сидели, пока канистру не опустошили. Пели хором «Катюшу» и «Стеньку Разина». Помню, тот, что постарше, расчувствовался, семейные фотографии показывал и говорил: «Криг никс гут. Рус Иван камрад». Ну, а потом разошлись. Немцы к себе, мы – тоже. Еще темно было. Так что добрались благополучно.

– Ну а в плен их почему не взяли? – спросил кто-то из нас.

– Не знаю, – чистосердечно ответил Гербачевский. – Да и мысли такой у нас не было. Вот если бы в бою, а тут... Ух-х, – с облегчением выдохнул Евгений. – Сколько лет молчал. Вот вроде и легче стало на душе. А Хаджи-Мурат в конце концов в штрафную роту угодил. Там и погиб.

И, немного подумав, произнес:

– Давайте за него.

Мы молча подняли стаканы.

Жажда

Фильм под таким названием появился на экранах много лет назад. И сюжет его очень прост: во время обороны Одессы в 1941 году немцы захватили водонапорную станцию, снабжавшую город питьевой водой. Подача живительной влаги в город прекратилась. Отряду морской пехоты ставится задача: отбить станцию у врага. В ожесточенной схватке почти все моряки гибнут, но задачу выполняют. Питьевая вода вновь стала поступать в Одессу. А

вспомнил я этот фильм вот почему.

Весна в Крыму ранняя. Конец марта, а солнце уже припекает, и пыль на дорогах. Пить всегда хочется. Вот в эту весну 1944 года я, выписавшись из лазарета, прибыл в 33-ю гвардейскую стрелковую дивизию, стоявшую в обороне. Слева – Сиваш – гнилое море, чуть правее – Перекоп.

Хоть эти места географически относятся к Крыму, экзотикой здесь и не пахнет. Унылая,

открытая всем ветрам равнина, где кроме колючей травы практически ничего не растет. И очень мало источников пресной воды. Да и та на очень большой глубине.

Как всякий солдат, попавший после госпиталя в новую часть, я в свои годы, естественно, хотел как можно скорее проявить себя, показать, что в моей красноармейской книжке не зря написано: «разведчик-наблюдатель».

Пару дней я «болтался» в штабе дивизиона, а потом начальник разведки старший лейтенант Аликин сказал: «Вечером пойдешь на НП. Вчера убило Бужека».

Ночью на войне не спят. Не вздремнул и я, изучая схему огней, схему ориентиров и всю нехитрую документацию, без знания которой, особенно в обороне, разведчик-наблюдатель просто ноль.

Южная ночь как-то мигом сбросила свое темное покрывало, и мутный свет зарождавшегося утра я встретил возле стереотрубы.

Вот стекла окуляров заскользили по вражеской обороне и замерли на основном ориентире. Это был небольшой колодец на нейтральной полосе. Возле него безбоязненно копошилось человек шесть немцев с канистрами.

«Ага, попались, голубчики! – внутренне ликуя, подумал я, и четко доложил: «Товарищ старший лейтенант! Основной ориентир, прямо по центру, в створе группа немецких солдат», – и замолк, глядя на Аликина.

А он, кивнув головой, молчал, как-то слишком спокойно, даже безразлично восприняв мой доклад.

«Ну чего, чего вы медлите! Дайте команду на одну из батарей, и фрицы разбегутся словно крысы», – кричало все мое существо. Но Аликин безмолвствовал. И тогда я снова повторил, взяв на два тона выше.

«Слышу, слышу, не глухой», – как-то недовольно пробурчал старший лейтенант, словно давал понять: твое дело солдатское. Доложил и баста».

Между тем, немцы набрали полные канистры и собрались уходить. «Товарищ старший лейтенант! – закричал я. – Уйдут ведь фрицы, уйдут!»

И тут Аликин вдруг хлопнул себя ладонью по лбу: «Слушай, ведь я забыл, что ты всего три дня у нас. Так вот, этот колодец здесь – единственный источник пресной воды. Без него тяжело, практически невозможно существовать. И нам, и немцам. А из Строгановки не навозишься. Да и путь не близкий. Короче говоря, есть неглас-

ный приказ: по немцам у колодца не стрелять. Они по нам, когда мы возле него, тоже огня не открывают.

Да ты можешь убедиться. Сейчас немцы уйдут и пойдут за водой наши. Тут так: то мы, то они. Кто раньше. Даже пережидают друг друга».

Я вновь прильнул к стереотрубе. И верно. К опустевшему колодцу с котелками и ведрами, чуть пригнувшись, шли солдаты в знакомой форме...

«Конечно, по военным меркам этот факт ни в какие рамки не укладывается, – развивал свою мысль начальник разведки, – так ведь ты не первый день на фронте, понять должен».

«Ну, а начальство высокое как реагирует?» – спросил я.

«Оно от переднего края далеко. Если кто и появится, то только ночью. Может, кто и знает, да делает вид, что ему не ведомо. Война ведь не только стрельба по целям, – продолжал старший лейтенант и добавил: – А ты молодец, углядел. Ну, давай закурим, чтоб дома не журились». И он достал из кармана брюк мятую пачку трофейных сигарет.

Рис. Вячеслава Микрюкова.

1941

1945

...Запомни эти дни.

Прислушайся немного,
и ты – душой – услышишь в тот же час:
она пришла и встала у порога,
она готова в двери постучать...
Запомни ж всё! И в будничных тревогах
на всём чистейший отблеск отмечай.
Стоит Победа на твоём пороге.
Сейчас она войдет к тебе.

Встречай!

Ольга Берггольц

Надежда КИРИЛЛОВА

Надежда Алексеевна Кириллова - ветеран Уральского танкового корпуса. Она вступила в него добровольцем в 17 лет. Прошла войну радисткой разветбата 1-й мотоциклетной роты. Участвовала в Орловской, Каменец-Подольской, Берлинской и Пражской операциях и почти за каждую удостоена боевых наград: медалей «За боевые заслуги», «За отвагу», Ордена Красной Звезды. После войны жила в Харькове, Алма-Ате, закончила педагогическое училище. В Свердловске-Екатеринбурге живет с 1962 г., работала в школе, затем 25 лет в Агропромстрое. С ее активным участием создавались музеи боевой славы в пос. Лобва Свердловской обл., в г. Чайковском - Пермской.

ПРАЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Несмотря на взятие Берлина, означавшее, что фашистская Германия повержена в прах, отдельные группировки противника продолжали упорно сопротивляться Красной Армии. Наследники Гитлера еще питали иллюзорную надежду на реванш и делали ставку на группу армий «Центр», которую возглавлял генерал-фельдмаршал Шернер. В ней насчитывалось до пятидесяти полнокровных дивизий и шесть боевых групп. «Центр» удерживал западную часть Чехословакии и ее столицу Прагу.

5 мая 1945 года командованию 4-й танковой армии стало известно, что в Праге началось восстание чехословацких патриотов. В этот день поднялись рабочие городов Кладно и Пльзень. Разгоралась борьба и в местах, прилегающих к Праге, в Моравии и в западных районах Чехии.

На подавление восстания немецко-фашистское руководство бросило две танковые дивизии СС – «РАЙХ» и «Викинг».

В ночь на 6 мая на баррикады вышло 30 тысяч жителей Праги. Им удалось захватить телеграф, центральную телефонную станцию, радио, вокзалы, городскую электростанцию,

большинство мостов через Влтаву и другие ключевые объекты.

Однако эсэсовские танковые и полицейские части жестоко расправлялись с повстанцами, особенно в рабочих районах Праги. Несмотря на мужество защитников баррикад, превосходство в живой силе и технике было на стороне фашистов. Они отбили у повстанцев ряд объектов, и стали продвигаться к центру города.

Наступила критическая ситуация. Повстанцы обратились за помощью к союзным войскам. Но они, дойдя до демаркационной линии, согласно договору трех великих держав, остановились и дальше не пошли. И тогда прозвучал призыв пражан к Красной Армии:

«Внимание! Внимание! Говорит Чешская Прага! Большое количество германских танков и авиации нападает в данный момент со всех сторон на наш город. Мы обращаемся с пламенным призывом к героической Красной Армии с просьбой о поддержке. Пришлите нам танки и самолеты. Не дайте погибнуть нашему городу. Прага истекает кровью. У нас нет боеприпасов. Фашисты уничтожают людей

и город. Русские братья, помогите Праге!»

6 мая 10 гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус получил приказ командующего 4-й танковой армией генерал-полковника Д.Д.Лелюшенко идти на помощь восставшей Праге и освободить Чехословакию от фашизма. Опорные пункты врага обходить, в бои не ввязываться. Прорываться к Праге.

Командир Корпуса генерал-лейтенант танковых войск Евтихий Емельянович Белов принял решение двигаться к Праге обходными путями, а 7 гвардейскому мотоциклетному батальону вести непрерывную разведку по маршруту движения. В передовом отряде Корпуса шла Челябинская гвардейская танковая бригада.

По разведанным на 6 мая противник занимал оборону мелкими подразделениями фольксштурма из 102-го запасного батальона на участке Мигельн-Ломмацш. Сплошную оборону ему организовать не удалось. Гарнизоны фольксштурмовцев по численности не превышали роты и состояли из 16-17-летних юношей и инвалидов старших возрастов. В этот первый день Пражской операции им помогал дрезденский фольксштурмбатальон и 192 запасной. А 7 мая в район Фрейберга подошла 108 полковая группа и 464 саперный

батальон Роде.

К исходу 6 мая соединениям и частям Корпуса удалось продвинуться только на 25 километров. Под гусеницами уральских танков гудела немецкая автострада. Враг создавал препятствия на пути наступления: укреплял опорные пункты на узлах дорог, на переправах, а особенно в теснинах Рудных гор, устраивая завалы, прикрытые огнем танков, артиллерийских орудий и группами автоматчиков; минировал дороги.

Труднее всего приходилось головной походной заставе – первой роте первого танкового батальона гвардии старшего лейтенанта Владимира Полегенько. Противник то и дело навязывал бой. Вот и опять впереди крупные силы врага: автомашины, бронетранспортеры, самоходки. Колонна длиной с километр двигалась по верхнему витку горной дороги. Командир танка Иван Гончаренко дал команду: «Батырев, наводи на головной! Потом – по хвосту». Слитно звучит несколько выстрелов. Головная самоходка, задымив, разворачивается на одной гусенице, расплываясь по дороге вторую. Загораются и две машины, замыкающие колонну. Одну из них взрывом разворачивает и опрокидывает на дорогу. Враг, зажатый с обеих сторон, мечется под огнем орудий и пулеметов. Через 20 минут

Здесь уральцы пересекли границу Чехословакии. Фото А.П.Маслакова. Май 1945-го

Командир танка Владимир Полегенько

от его колонны остаются груды искореженной техники. Сотни пленных под конвоем плетутся к ближайшему гарнизону.

Небольшой привал – дозаправка машин. И снова первый танковый батальон вытягивается в колонну. Впереди взвод гвардии лейтенанта Леонида Буракова, в составе которого – танки Ивана Гончаренко и Павла Котова. Три танка первыми прокладывают путь к Праге: № 23 – Леонида Буракова, № 24 – Ивана Гончаренко, № 25 – Павла Котова (танк Ивана Гончаренко, что стоит на постаменте в Праге, ошибочно обозначен № 23). У населенного пункта Гелегстхайзен из засады бьют немецкие танки. Головная походная застава принимает бой. Танк Котова укрылся за высоким сараем. Немцы засекли его и подожгли сарай зажигательным снарядом. Повалил густой дым. А танк Котова пошел в обход самоходок «фердинанд» и первыми же выстрелами поджег одну из них. Другую подбили Бураков и Гончаренко. С крыш домов ударили пулеметы – это десантники поддержали танкистов и расправились с врагом.

Теперь на пути уральцев деревня Зайда, в нескольких километрах от нее – граница Чехословакии. На горизонте видны неровные

зубцы Рудных гор. Они не высоки, но очень отвесны и преграждают путь Корпусу. Предстоит преодолевать крутые подъемы и спуски, узкие дороги, обрывы, горные реки.

На рассвете 8 мая танки двинулись по крутым отрогам, по дороге, зажатой горными массивами.

Немцы упорно сопротивляются. На поворотах то и дело встречают зенитные орудия. Автоматчики и пулеметчики бригады гвардии майора Георгия Ивановича Старостина взбираются на горные кручи и внезапными ударами сверху выводят из строя расчеты вражеских орудий, заставляют сдаваться в плен.

Впереди горная речушка. Спуститься к ней, кажется, невозможно. Крутизна не менее 40 градусов. Бьют орудия. Настоящее пекло! Но о возвращении назад и думать нельзя. Механик-водитель танка Василий Иванович Кружалов просит разрешения первым спуститься с танком вниз. Развернув назад орудие, танк медленно преодолевает спуск. Примеру Кружалова следует Федор Сурков и остальные механики-водители бригады.

Только спустили танки, впереди новое препятствие – горная дорога, выходящая над самой пропастью. Противник завалил ее соснами, обмотанными колючей проволокой, и заминировал. Саперы расчищают дорогу.

Навстречу танкистам выходят чешские партизаны и восторженно встречают уральцев. Они помогают разведчикам и танкистам ориентироваться на незнакомой местности, указывают маршрут, а также районы, занятые противником.

Первое чешское село Быстрица радостно встречает танкистов.

Прибыл командарм Лелюшенко. На карте комбрига Фомичева он обвел пунктиром Прагу и написал: «3.00. 9.05.45».

Начался стремительный марш.

В городе Слани фашисты облили бензином дома и мостовые. Огонь полыхал на дороге. Артиллерия противника из укрытий била по наступающим. Короткий встречный бой. Прижатые огнем наших танков, фашисты начали отходить вправо. Но уйти на запад, к американцам, удалось не всем.

Миновали Слани, увидели зарево. Горела Прага. Вперед ушла разведка на танках Ивана Гончаренко и Леонида Буракова с десантом. В километре от города десант спешил. Разделившись на две группы, двинулся вдоль

**Танк Ивана Гончаренко, проводник
– чех Франтишек Соучек**

дороги и вышел к баррикаде.

С рассветом передовые подразделения бригады достигли северо-западной окраины Праги. Им противостоял гарнизон фашистов в

составе 4 механизированного полка «Фюрер», танковой дивизии СС «Райх», 20 полицейского полка, 2-го охранного батальона СС. Ружейно-пулеметным огнем и огнем фаустников они стремились задержать прорыв.

Первым в город ворвался танк гвардии лейтенанта Ивана Григорьевича Гончаренко из 63-й танковой бригады. Дорогу ему показывает Франтишек Соучек, подсевший на танк Гончаренко, когда у Буракова забарахлил мотор. Танк уже у реки Влтавы. Но фашисты захватили Манесов мост, пристреляли заранее все подступы к нему. Однако танк Гончаренко на большой скорости проскакивает мост, вылетает на улицу, затем на площадь Кларов.

Командир орудия танка Батырев в триплекс замечает в сквере самоходки противника. Первые выстрелы раздаются одновременно. Посланный Батыревым снаряд попал в «фердинанд». Самоходка задымилась и взорвалась. Но одновременно и танк уральцев вздрогнул от удара снаряда, угодившего в командирскую башню. Так погиб Иван Гончаренко. Батырев посылает новый снаряд – дымится вторая самоходка, в перекрестке прицела третья... Но в этот момент вражеский снаряд ударяет в башню слева. Тяжелейшая контузия, но о себе некогда думать – он продолжает вести огонь и командовать танком.

Удар слева означал, что их машина попала под перекрестный огонь. «Надо вырываться вперед, к мосту!». Он командует механику-водителю Шкловскому: «Илья, газу!». В это

**Экипаж танка № 24.
Справа налево: водитель
танка Илья Шкловский,
командир танка Иван
Гончаренко, командир
орудия Павел Батырев,
заряжающий Николай
Ковригин, радист
Александр Филиппов.
Май 1945-го**

Встреча красноармейцев в Праге

время очередной снаряд попал в стык лобовой и бортовой брони – в панель управления. Ее раздробило. Шкловский ранен. Филиппов попытался завести танк из запасного баллона. Не удалось.

Павел Батырев с Ковригиным, подававшим снаряды, продолжали бой. Вот уже и третьей самоходке вlepили «гостинец». Но роковой удар сделал грозную боевую машину беспомощной мишенью для врага – снаряд угодил в основание орудия и заклинил его. Пушку уже не навести. Оставаться в танке бессмысленно.

Выскочив на броню, Ковригин попал под рой пуль и осколков и был ранен в ногу. Батырев последним попытался выбраться на броню, но тело погибшего командира танка загородило ему проход. Тогда через люк заряжающего он выбрался на площадь. Филиппова и Ковригина нигде не было. Перед танком лежал чудом выбравшийся из машины и изувеченный осколками Шкловский...

Подхватив раненого друга, Павел попробовал пробраться на улицу, но слева, с горы, ударил пулемет. Тогда он проскочил в стоящий наискоск улицы дом. Внутри укрылись десантники с его танка, но Ковригина и Филиппова среди них не было. На длинном столе люди в белых халатах перевязывали проводника Франтишека Соучека, у которого оторвало голень.

Оставив медикам Илью, Батырев взял у молодого солдата автомат, встал у входа.

Увидел, как по набережной Влтавы уходят машины с немцами, за ними самоходки и танки из сквера. Вскоре на площади показались наши «тридцатьчетверки». Из головной машины выскочил ротный, посмотрел на Павла и все понял.

Прага освободилась от фашизма.

Вечером с воинскими почестями танкисты хоронили Ивана Гончаренко и его боевых товарищей, павших на пражских улицах.

Прошла неделя. Однажды к Павлу Батыреву подошел командир одного из танков:

– Иди, сержант, простись со своей машиной. Сейчас ее в танкоремонтную мастерскую повезут.

Танк уже стоял на тралере.

– Прощай, подружка-«тридцатьчетверка», – сказал он. – И стол, и дом наш, и защита...

Со своим экипажем Павел Батырев встретился только на двадцатилетии Победы.

Воины разведбата Корпуса вместе с Челябинской танковой бригадой не только штурмовали Прагу, но и помогали потом очищать ее от противника. Сопrotивление было сломлено в первой половине дня 9 мая. Гарнизон Праги, насчитывавший 6 тыс. человек, был пленен. Отдельные группы фашистских подразделений, не желая сдаться советским войскам, отошли в район юго-восточнее и южнее Праги, прорываясь к их союзникам.

Три разведдозора разведбата Корпуса, начиная с вечера 9 мая, устанавливали районы, занятые противником, наблюдали за движением вражеских войск.

Первым комендантом Праги был назначен командир 10 гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск Е.Е.Белов. На первую вахту – пост № 1 у гвардейского знамени Корпуса – после освобождения Праги заступили воины 7-го гвардейского мотоциклетного батальона.

За участие в освобождении столицы Чехословакии приказом № 01115 Верховного Главнокомандующего от 11 июня 1945 года почетного наименования «Пражских» были удостоены два батальона Корпуса. Они стали именоваться:

– 7 гвардейский отдельный мотоциклетный Пражский орденов Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды батальон;

– 152 отдельный гвардейский Пражский орденов Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды батальон связи.

9 мая 1945 года за освобождение Праги и окончание войны Москва салютовала из 1000 орудий.

После окончания Пражской операции части и соединения Корпуса были выведены в окрестности Праги: разведбат – в город Бездеков, Свердловская танковая бригада – в город Ноузов.

За весь период боевых действий Корпуса в нем родились 34 Героя Советского Союза и один дважды Герой Советского Союза. 27 полных кавалеров Ордена Славы всех трех степеней. Свыше 42, 5 тысяч орденов и медалей было вручено воинам Корпуса за выполнение боевых заданий на фронтах борьбы с фашизмом.

На знаменах воинских частей Корпуса – 54 боевых ордена, которыми отмечены боевые успехи воинов частей и соединений.

Фотографии из архива автора.

Танк Ивана Гончаренко на постаменте в Праге

Афоня

Рис. Вячеслава Микрюкова

Передо мной маленькая, поблекшая от времени, фотография. На обороте слова, втиснутые чернильным карандашом в небольшую площадь: «На память о Великой Отечественной войне 41-45 г. Взвод управления артдивизиона. Залив Фриш-Гаф».

Среди других на фотографии, чуть склонив на бок голову, прилег красноармеец Безматерных, до войны потомственный конюх одного из колхозов Смоленщины, высокий, нескладный пятидесятилетний рядовой, которого все, включая и командира дивизиона майора Панкратьева, называли просто по имени: «Афоня».

Был он неграмотен, не умел даже расписываться, не говоря уже о чтении. Видимо это обстоятельство наложило отпечаток на его характер и, особенно, на внешний вид. Головной убор у него вечно сваливался на нос, пряжка ремня упорно торчала на полдороге между животом и спиной, а честь он мог отдать и растопыренной пятерней левой руки. Про таких, как Афоня, в народе обычно говорят: «Ему и в картошке кости попадаются».

Мне известно, что над доведением до кондиции его внешнего вида долго бился старшина дивизиона, бывший руководитель духового оркестра из подмосковного города Егорьевска Иван Иванович Большаков, но в конце концов отступился. И наверное вот почему.

Любовь человека к своему труду, а война – это прежде всего труд, зачастую тяжелый, не

всегда благодарный, но необходимый, различается сразу. Ибо она придает человеческим действиям особую окраску.

Лошади, за которыми Афоня ухаживал, как за малыми детьми, всегда сверкали свежечыщенной шерстью и были вовремя накормлены. В образцовом порядке, а на войне это не просто, находилась упряжь и повозка, в которой перевозилось табельное имущество связистов и разведчиков.

Неторопливый, чуточку медлительный и далеко не разговорчивый, Афоня преображался, когда садился на облучек с вожжами в руках. Распрямлялась спина, в глазах появлялся незнакомый блеск. «А ну, милые, а ну, родные, подлятите немного». Других слов в обращении с лошадьми он не признавал.

И наверное, если бы в те времена в армии существовал нагрудный знак «Отличный ездовой», красноармеец Безматерных был бы его достоин.

Впрочем, награды у него были – две медали «За отвагу». Одну из них он получил при прорыве обороны немцев на Мазурских озерах в Восточной Пруссии.

...Молоденький солдат из взвода боепитания, недавно надевший серую шинель, испуганно моргая глазами и облизывая сохнувшие губы, бестолково докладывал:

«Там, на шоссе, мина значит... прямо в лошадей. Егорыча убило, а мне вот... – и он поднимал иссеченную осколками полу шинели.

«А снаряды, снаряды что?»,- нетерпеливо перебил его командир взвода.

«Опрокинулись, повозка тоже, а мне вот...», - снова показывая превращенную в решето полу шинели, произнес еще не пришедший в себя солдат.

«Ребята», - только и сказал лейтенант Кузнецов. В мгновение ока мы сбросили на ноздреватый снег все свое имущество и уже на ходу ввалились в повозку. «Держись!»,- крикнул Афоня и колеса застучали по стилому шоссе.

Погрузить снаряды было делом нескольких минут. «Теперь без вас управлюсь. И так коням нелегко», - сказал Афоня и заспешил к железнодорожной станции, где возле батареи старшего лейтенанта Ерошина, стоявшей на прямой наводке, уже выростали курчавые кусты разрывов...

Когда я после госпиталя прибыл в эту часть, комсорг дивизиона старший сержант Бокарев, узнав что я закончил до войны 9 классов, назначил меня агитатором в своем взводе управления. Ну, и как-то само собой получилось, что я стал поверенным Афони в переписке с отчим домом, сменив на этом посту, как выяснилось, убитого красноармейца Самойлова.

Я посылал в деревню, чудом уцелевшую от полного разорения немцами, длинные письма с многочисленными поклонами, сообщал о его фронтовом бытии и читал Афоне весточки с родины. Он всегда внимательно слушал, покачивая головой в такт моим словам, и комментировал вслух описываемое событие.

Видимо в благодарность, он научил меня, городского жителя, запрягать в повозку и телегу лошадей, управлять серпом и косой. Афонина «наука» особенно пригодилась мне в первые послевоенные годы, когда я вместе с сослуживцами выезжал «поднимать» сельское хозяйство.

В ту пору совсем недавно закончилась война. И мы, ошалевшие от счастья, что остались живы, каждой клеточкой своего тела ощущали свежий ветер Балтики, скрипящий под ногами песок косы Фриш-Нерунг, изумрудную зелень кустарника. Все мы походили на человека, который давно не был в бане, и вот теперь, смыв грязь и пот, блаженствовал после парилки, с наслаждением потягивая холодный, до ломоты в зубах, квас.

Не скрою, подсознательно мы, особенно

Этот групповой снимок – память о Великой Победе над фашистской Германией

молодые по возрасту солдаты, готовы были пребывать в таком состоянии до демобилизации. Но командование думало иначе. И когда пришел приказ об организации «боевой и политической», мы, хотя и без энтузиазма, но приняли его к исполнению. Дисциплина, ничего не попишешь.

Главный упор тогда делался на политическую подготовку. Тема, как помнится, была одна, рассчитанная на много занятий. И называлась она так: «Товарищ Сталин – вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне». И каждое занятие, наверное не только у нас, начиналось обязательным перечислением всех должностей, которые Сталин занимал к тому времени.

Ответ должен был выглядеть так: «Гениальный полководец всех времен и народов, товарищ Сталин является Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), председателем Совета народных Комиссаров СССР, Председателем Государственного комитета обороны, Наркомом обороны, Верховным Главнокомандующим Красной Армии в звании Генералиссимуса...» И попробуй что-нибудь забыть...

Теплый ласковый дождичек загнал наш

взвод в большой немецкий блиндаж. Руководитель занятий, начальник разведки дивизиона, старший лейтенант Гурченков сказал: «Повторим пройденный материал». Секунду помедлив, он задал вопрос: «Какие должности занимает товарищ Сталин?» А потом, окинув взглядом присутствующих, произнес: «Красноармеец Безматерных».

Афоня стал медленно подниматься из-за стола, словно на его плечи давил многопудовый груз. На лице появилось страдальческое выражение, лоб прорезали глубокие морщины. Он скреб большим и указательным пальцами затылок, словно там лежал ответ на этот, прямо скажем, непростой для него вопрос.

Он мучительно выдавливал из себя слова: «Ну, как его... значится...» И вдруг произнес к всеобщему изумлению и растерянности: «Товарищ старший лейтенант! Я, конечно, не скажу, кем товарищ Сталин работает, но устроился он неплохо».

В блиндаже воцарилась гробовая тишина, а Гурченков превратился в соляной столб. Его оцепенение, длившееся несколько секунд, показалось нам вечностью.

«Да ты что, в своем уме! – наконец прогово-

Надписи, начертанные рукой русского солдата на стенах Рейхстага

рил он. – Если это дойдет до капитана Козлова, тебе знаешь, куда дорога?».

Услышав фамилию Козлова, Афоня обмер. Его лицо вдруг стало сереть. Смотреть на него было жалко. И страшно.

Капитан Козлов занимал в нашем отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне должность уполномоченного отдела контрразведки «Смерш». Солдаты называли его «особняк».

И там, где появлялся этот краснощекий, пышущий здоровьем, блондин с синими глазами молодца, сошедшего с лубочной картинки, сразу прекращались разговоры, и люди, если была такая возможность, старались разойтись. Ибо было невозможно предугадать, как он отреагирует на любую, вполне безобидную фразу, не истолкует ли во вред произносящему.

Не только мне был известен случай, когда солдат из пулеметной роты, одобрительно отозвавшийся о качествах немецкого пулемета «МГ-42», с «благословения» капитана Козлова угодил под военный трибунал и получил 5 лет лишения свободы с заменой штрафной ротой – «за восхваление вражеского оружия».

А тут Афоня, только подумать, проехался по самому Сталину!!!

Покусывая нижнюю губу, Гурченков нервно заходил по блиндажу. Мы во все глаза следили за ним, ожидая с тревогой, какое решение он примет. Ведь по тем временам положение офицера было очень непростое. Доложи он об этом инциденте, и красноармеец Безматерных, вместо Смоленщины, отправится куда-нибудь на

Последние защитники Гитлера, вышедшие из подземелья Рейхстага. 2 мая 1945 года

Колыму, промолчи... А вдруг кто-нибудь из нас доложит вместо него? Тогда Гурченков вполне может разделить судьбу Безматерных «за недоносительство»...

Разряжая обстановку, с места поднялся старший сержант Благушин. До войны он лет десять преподавал математику в одной из московских школ. Природный воспитатель и очень гуманный человек, он пользовался авторитетом среди солдат и офицеров.

«Товарищ старший лейтенант! Михаил Егорович! Слова Афони никто всерьез не воспринимает», – твердо произнес связист, беря на себя тяжелый груз моральной ответственности.

И тут Афоня не выдержал. Жалобно подвывая, как щенок, он заплакал, размазывая по щекам обильные слезы, и его большое, крупное тело тряслось как в лихорадке.

«Красноармеец Безматерных! Вы свободны. Идите и приведите себя в порядок», – произнес старший лейтенант, и мы облегченно вздохнули, глядя, как Афоня направился к выходу.

Какое-то время в блиндаже вновь царствовала тишина, пока ее не нарушил голос начальника разведки: «Итак, кто скажет, какие должности занимает товарищ Сталин?»

И мы, словно прилежные школяры, дружно потянули вверх руки...

В день, когда уезжали демобилизованные первой очереди, погода стояла словно по заказу. Яркое солнце, купающееся в лазури неба, придавало атмосфере проводов особую окраску. А мы, молодежь, грустили, не зная, когда подойдет наш черед.

Счастливики сгрудились в обособленную кучку. Чувствовалось, что в тот момент они мыслями были уже дома, руками, привычными к оружию, обнимали жен и детей, меньше всего думая о том, что ждет их там, на желанной «гражданке». Среди отъезжающих был и Афоня. В новеньком обмундировании и смазанных ваксой сапогах, он выделялся среди всех каким-то взволнованным и одновременно растерянным выражением лица. Слово он не верил своему счастью.

Рядом с писарем стоял начальник разведки. Афоня подошел к нему, как-то особенно глянул в лицо, и, не говоря ни слова, замер в глубоком поклоне. Гурченков растерялся: «Что ты, что ты, Афанасий Петрович», – взволнованно произнес он. А Афоня, распрямившись, сказал: «Хороший вы человек, Михаил Егорович, век буду помнить».

Стоя поры, как говорится, много воды утекло. Но только теперь, я могу по достоинству оценить поступок своего бывшего командира, поступок, для которого в те страшные времена надо было иметь поистине гражданское мужество.

Акт о капитуляции скрепляется подписями представителей советского и союзного командований. Первая подпись – Маршала Советского Союза Г.К.Жукова. От Верховного командования фашистской Германии Акт подписывает фельдмаршал Кейтель

Необыкновенный тост

В моей красноармейской книжке, которую я сохранил на память, есть такая запись: «Приказом НКО от 27.01.45 г. за № 258 за прорыв немецкой обороны в районе Мазурских озер (Восточная Пруссия) объявлена благодарность».

Слегка припорошенные снегом брошенные грузовые и штабные машины со следами осколков и пулевых пробоин, пахнущие свежей гарью подбитые «тигры» и «фердинанды», пушки, задравшие длинные стволы к непривычному для этих мест стилому зимнему небу, фигурки застывших в страшной неподвижности людей...

Мазурские озера. Исконная территория Польши, захваченная в XIV веке Пруссией. Но ее население – мазуры – несмотря на многовековую ассимиляцию, сохранило свои национальные черты.

Мазурские озера. Здесь в 1914 году 2-я армия генерала А.Самсонова, вследствие бездействия командующего Северо-Западным фронтом генерала Я.Жилинского и предательских действий командующего 1-й армией генерала П.Рененкампа, была разгромлена кайзеровскими войсками.

Рис. Вячеслава Микрюкова

И вот теперь, три десятилетия спустя, войска 3-го Белорусского фронта, преодолевая упорное сопротивление противника, по чужой земле идут к победному финишу Великой Отечественной...

Звезд управления нашего арtdивизиона остановился на ночлег на хуторе у зажиточного хозяина, прекрасно говорившего по-русски.

С 17 июля по 2-е августа 1945 года в Потсдаме проходила встреча глав союзных государств. Делегацию СССР возглавлял И.В.Сталин, делегацию США Г.Трумэн, Великобритании – сначала У.Черчилль, а потом К.Эттли

Уже привычно смотрели мы на добротные дворовые постройки, асфальтированную дорогу до усадьбы и прочие атрибуты капитализма, но все равно красноармейцы из бывших селян восторженно трогали разнообразный сельскохозяйственный инвентарь, стоявший под крытым навесом, заглядывали в хлев, где мычали коровы и блеяли овцы, на свежих подстилках из соломы довольно похрюкивали розовые свиньи...

И хотя я родился и вырос в большом городе – Свердловске, я с откровенной завистью думал: «Живут же люди», вспоминая обглоданные, почерневшие соломенные крыши и убогие хатенки тех российских деревень, разоренных и обнищавших в результате сплошной коллективизации, что нам довелось освобождать.

Глаза хозяина этого хutora светились неподдельной радостью, когда он усаживал нас за длинный стол в просторной кухне.

Когда все наполнили кто фужеры, кто стаканы или польским «бимбером», или спиртом, он, немолодой поляк, встал и, обращаясь к нам, произнес фразу, которая, благодаря своей неординарности, намертво осталась в моей памяти: «Товарищи красноармейцы, выпьем за советскую власть в Польше, но без колхозов».

Все сидевшие, словно сговорившись, бросили взгляды на единственного офицера за нашим столом – старшего лейтенанта Гуренкова. Ведь от его реакции зависело, имеем ли мы право поддержать этот «крамольно-враждебный» тост, или должны отвергнуть его, дружно поставив на стол нетронутые стаканы.

Начальник разведки нашего дивизиона за два года до войны окончил Смоленский техникум связи. Выходец из крестьянской семьи, он не понаслышке знал, как живут колхозники, особенно в его краях.

И вот сейчас мы терпеливо, но настороженно ждали, как он поступит.

24-летний артиллерист выбрал, на мой взгляд, мудрое решение: молча до дна выпил свою порцию и, ни слова не говоря, сосредоточено принялся уничтожать обильную закуску, налегая на сало.

Мы дружно последовали примеру командира.

...История – не похвальная грамота, выданная человечеству за примерное поведение. И не рождественская сказка, где все вершится только добродетельными персонажами. Особенно на войне.

Двести знамен разгромленной гитлеровской армии, дивизий СС "Мертвая голова", "Великая Германия", склонены у подножия Мавзолея как символ поверженной в прах фашистской Германии.

Народный подвиг Урала в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг.
Художник Беляев Виталий Захарович

ГЕРОИНЫМ РАБОТНИЦАМ ЗАВОДА
ИМЕНИ С. П. ГОРЬКОГО
ЗАВЕРШИЛИ РАБОТУ ТАКОГО КАЧЕСТВА
ОТ УДАРА КТО СВЕДАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Хочешь двигаться - ищи попутчика!